

МАСТЕРА УЖАСОВ

18+

Адам Нэвилл
БАГРЯНЕЦ

Адам Нэвилл

Багрянец

Серия «Мастера ужасов»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63508653

Багрянец: АСТ; Москва; 2020

ISBN 978-5-17-121042-7

Аннотация

Журналистка Кэтрин приезжает на побережье Девоншира, известное своими пляжами и природными красотами. Но когда в Брикбере, городке поблизости, находят доисторические артефакты и огромное количество человеческих останков, жизнь Кэтрин меняется навсегда. Хелен потеряла своего брата 6 лет назад. Незадолго до своего исчезновения он записал странные звуки, которые раздавались из-под земли неподалеку от Брикберских пещер, и эта запись приводит Хелен к месту, где люди убивали друг друга еще в первобытную эпоху, а на стенах до сих пор остались изображения их безымянных богов. Здесь ходят слухи о появлении мифического красного народа, а любопытные исчезают уже на протяжении многих лет. Здесь не привечают гостей, а местные жители считают, что под землей до сих пор таится зловещая сила, сразиться с которой могут только самые отчаянные, ведь перед багровым приливом первобытной жестокости мало что может устоять.

Содержание

Истоки	6
1	6
2	16
3	26
4	40
Раскопки	67
5	67
6	83
7	103
8	121
Конец ознакомительного фрагмента.	136

Адам Нэвилл

Багрянец

Уиллу Тенанту, Дэвиду Брукнеру, Дэйво Бартоу, Ричарду Холмсу, Киту Томпсону, всей студии Imaginatum и всей съёмочной команде, актерскому составу и команде постпродакшна «Ритуала»

Последнего древнего лесного бога вы взяли за рога

То были первые окаменевшие зубы, увиденные мной. Прикоснувшись к этим реликтам вымерших народов и свидетелям вымерших вместе с ними порядков, я невольно отшатнулся... Не стыжусь признать, что присутствие тех останков вызывало во мне скорее трепет, чем радость.

Отец Джон МакИнери о совершенном им открытии доисторических артефактов в Кентской пещере (Южный Девон), 1825 г.

Adam L. G. Nevill
THE REDDENING

Печатается с разрешения литературных агентств А. М. Heath и Andrew Nurnberg.

Cover artwork by Samuel Araya

The Reddening © Adam L. G. Nevill

© Александра Голикова, перевод, 2020

© Samuel Araya, illustration, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Истоки

1

В надвигающейся тьме становилось все легче и легче сделать один неверный шаг со скалистой тропы и провалиться в никуда, в первый и последний раз попав в новости – посмертно. Энди даже с легкостью представил заголовок: «Труп в гавани»...

Одного-единственного взгляда вниз хватило, чтобы перед глазами предстала красочная картина, при мысли о которой у него сжался сфинктер: он поскользнется, из-под ботинок покатятся мелкие камни, головокружительное падение с высоты шестидесяти метров – и вот Энди уже бултыхается в грохочущей воде, хватаясь за клочья пены на волнах, что разбиваются о зазубренную линию берега.

А может, все произойдет тихо, без суеты? Он представил, как яйцо разбивается о край керамической миски, и его передернуло.

За последние километров восемь Энди не повстречалось указателей или других меток, по которым он мог бы сбежать с прибрежной тропы, но оставаться на ней было слишком опасно. Чем дальше он шел, тем пустыннее и враждебнее становился ландшафт, тем более непохожим на роскошные

края близ Торбея, больше напоминавшие тропики или открытые просторы Саут-Хэмса.

Здесь, на вершинах сланцевых скал, точно борода росли кусты вереска; такой ржаво-серый каменистый пейзаж больше был бы к месту в Шотландии или на Южном острове в Новой Зеландии – в Южном Девоне такое увидеть Энди не ожидал.

Он пустился в путь утром из бухт к северу от Диллмута, и все это время дорога вела его по краю бесконечных сельскохозяйственных земель – неровных, холмистых и в основном пустых. На возвышениях иногда попадались рощицы: силуэты деревьев, казалось, чего-то ждали в напряженном молчании, будто воины в старых вестернах, наблюдавшие с лошадей.

Поначалу бесконечное аквамаринное море поблизости от диллмутской бухты ввело Энди в обманчивый покой: что может случиться рядом с такими мучительно прекрасными водами? Но красота не длится вечно; ту часть берега он давно прошел и с тех пор не видел ни одного пешехода. Единственным человеком, попавшимся по дороге, оказался какой-то парапланерист, собиравший вещи: они встретились в полдень, когда Энди после трех часов дороги остановился перекусить. Парапланерист назвал холмы «радостью сердечников».

«Эти холмы...»

Приближался вечер, и Энди спотыкался от усталости. Его бак с топливом опустел, и остатки сил жалко булькали на донышке. Он не помнил даже, сколько раз забирался по скалистым склонам и каменным ступенькам – четыре, может быть, но все эти склоны были так похожи, что слились в одно изматывающее воспоминание. При каждом спуске ногти на ногах все глубже вжимались в кутикулы: Энди не постриг их перед тем, как надеть новые походные ботинки, и теперь почти хромал.

В путеводителе, который, очевидно, предназначался людям, знавшим местные края лучше Энди, не говорилось, что будет столько подъемов. «Великолепные прогулки вдоль юго-западной прибрежной тропы: Южный Девон» не единожды подводили его, но Энди не сдавался: раз уж заплатил, надо идти до конца. Хорошо, что он не старый – от всех этих крутых подъемов сердце лопнуло бы.

Останавливаться в полдень на сорокаминутный обед было не самым умным решением. Да и растягивать исследование первых трех бухт на несколько часов тоже не стоило. Литр воды давно закончился. В голове зазвучал голос отца: «Вот так и попадают в неприятности!»

«Время, время!»

Сумерки вокруг лишь предупреждали, что скоро будет еще темнее. У Энди оставался час, чтобы оказаться в безопасности, пока еще светло, и потом полчаса полумрака, что-

бы найти машину.

Он поднял умоляющий взгляд на небо – как там с освещением? От облаков небо приняло металлический оттенок, а море стало похоже на жидкую сталь. В обложивших небосвод железных тучах зияла круглая прореха: свет в ней расщеплялся, окрашивая весь морской пейзаж в серу и ртуть, будто на полотне Тернера; далеко в море на воду падал широкий солнечный луч, рисуя бело-золотой диск, на который и смотреть было нельзя.

Однако у прибрежных утесов разрешение становилось все ниже – из земли извлекались зеленый, синий и красный. Энди представил себя крошечной точкой на темном и мутном от пыли аэрофотоснимке.

С моря подул ветер, от его холодных уколов по всему телу поползли мурашки. Пот под шерстяной одеждой замерз, на спине, лбу и в паху образовалась ледяная корка – второй слой кожи. От тонкой вязаной шапки было не больше толку, чем от рождественской короны из дешевой бумаги.

И наконец, последняя поправка в новом сценарии – дождь. Белый горизонт начал чернеть. «Замерзнешь на холодном ветру – и дальше все псу под хвост». Даже GPS на телефоне не использовать: Энди снимал для жены столько фото, что батарея села.

Стемнеет, и температура резко упадет: от этой мысли жгут волнения затянулся еще сильнее, сжимая мысли до предела. Теперь они вертелись только вокруг того, что делать дальше

– а варианты можно было пересчитать по пальцам трехпалой руки.

Отправиться назад? Кажется, где-то там Энди видел тропу внутрь острова, ведущую к какому-то зданию Земельного фонда. Однако эта дорога, скорее всего, ведет в гору – он же не смертник. К тому же придется и дом искать... «Сейчас не сезон – он вообще открыт?» А эти заведения в любом случае закрываются в пять... «Или в шесть?»

Или идти дальше, к первоначальной цели – заповеднику в Брикбере, откуда Энди собирался повернуть внутрь острова по единственному пути, указанному на карте? Этот путь должен был закольцевать дорогу и привести Энди туда, где сегодня в девять утра он оставил свой «вольво»: на небольшую автостоянку «Доступа к сельской местности».

Дорога из Брикбера с наибольшей вероятностью привела бы его к машине, но придется больше часа идти по неровной прибрежной тропе, пока становится все темнее и холоднее, и Энди отбросил этот вариант в тот же момент, как подумал о нем. Он взглянул на лежащий впереди пляж, отметив крутые известняковые холмы, подпиравшие берега, словно укрепления. Если верить карте, за этим пляжем следовало два других таких же: идти по этой «радости сердечников» можно только очень, очень медленно – гораздо раньше стемнеет.

Впервые за много лет Энди захотелось плакать.

Был и третий вариант – марш-бросок напрямик внутрь острова, начиная от Слэгкомб-Сэндз, вокруг болот и вверх

по долине; но при одном взгляде в том направлении возникал вопрос – что ждет его наверху? Чертова изгородь? Опять же, чтобы туда подняться, уйдет последний час дневного света, а там не будет ни уличных фонарей, ни электричества вообще, не считая редких немногочисленных ферм, разбросанных по холмам. По дороге Энди заметил пару унылых зданий над долинами, но свет далеких желтых окон – неважная помощь на неровной земле. Он и при свете дня уже два раза терял равновесие и падал.

Варианты – точнее, малочисленные возможности, выбранные от отчаяния, – существовали, но не радовали.

Энди не имел большого опыта в ходьбе – свой не очень удачный дебют он совершил на Рождество, чтобы поддержать себя в форме. Эта прогулка была шестой за два месяца, но на дикой прибрежной тропе он оказался впервые.

К вихрю испуганных обрывочных мыслей добавилась ненависть к себе. Но хватит на сегодня неудачных решений. Больше никаких сомнений, поворотов и приседаний на ветру, чтобы обратиться к карте, которую он не мог читать без очков. Последние несколько раз, заглянув в путеводитель и сунув его обратно в карман, Энди тотчас же забывал, что только что видел. Холодный ветер нагонял маразм.

«Вариант первый: дом Земельного фонда».

Глядя под ноги и разевая рот, как рыба, он принялся подниматься по склону, параллельно направлению, откуда толь-

ко что пришел. Подальше от берега, за этим отрезком тропы, где-нибудь на дороге он найдет то здание начала прошлого века. «Обязательно найду!» Может, там и телефон есть. Но идти придется по полям, по пересеченной местности.

«Так что повернись, мудака, и иди, пока тьма тебя не поглотит...»

* * *

Столовая. За столом прямо сидят два человека, раскрашенных в красное от корней волос до подошв босых ступней. Их торсы, руки и ноги тускло блестят от масла. Они молчат, закрыв глаза, будто сосредоточившись на благодарной молитве за ниспосланную им пищу – влажные увесистые ломти мяса с кровоподтеками на белых тарелках. Вид пищи шокировал Энди меньше, чем вид пары перед ним. Он проделал такой путь, чтобы найти... это?! Неужели судьба решила, что этот день соберет в себе все ужасы?

Последнюю пару часов он шел прочь от берега, на запад по черной проселочной дороге, истоптанной копытами и покрытой коркой из навоза. Вонь звериных испражнений безнадежно забила носовые пазухи Энди, но он, не сдаваясь, шагал по тропке полтора часа, пока из-за холмов не показалось здание со светом в окнах.

Пока он топал к этому одинокому дому, солнце догорело на железном небосводе, железо превратилось в уголь, и тьма

пропитала все вокруг, точно смола. Шагая по черным полям, Энди говорил вслух сам с собой, чтобы не поддаться панике. Не видя ничего ниже пояса, он шел через кусты, спотыкался о каменные стены и застревал в изгородях, которые замечал, только наткнувшись на них. Когда пришлось лезть через какие-то ворота, Энди поцарапал бедро, и теперь вся его нога промокла: водонепроницаемые штаны прилипли к горевшей от боли плоти, а на обоих коленях стояли синяки.

Под ногами хрустел то щебень, то трава, подошвы скользили то по жиже, то по навозу, руки замерзли до кончиков почерневших от грязи ногтей, шерстяные носки прилипли к пальцам ног, пропитавшись кровью от ногтей, от дождя куртка потяжелела вдвое. Но Энди продолжал свой нелегкий путь по неровной земле в темноте, ковыляя к желтым квадратам, все эти часы остававшимся вдали. Здания, которым принадлежали эти окна, полностью сливались с чернотой, единственным светом были сами крошечные квадраты – маяк для неосторожного бродяги, ферма, окруженная колючей проволокой.

Энди оказался там, когда большая стрелка на светящемся циферблате миновала цифру семь. На этой цифре его жена должна начать волноваться.

Он зашагал между пристройками, поскользываясь на свежих фекалиях. Нитратное зловоние поднималось, просачиваясь в самый мозг и сдавливая дыхание.

В ближайшем здании, поглощенном ночью, раздалось

низкое покашливание и два возгласа, будто животные внутри во сне почували незваного гостя – наверно, это были сараи, где не горел свет. Энди не столько понимал, что за строение перед ним, сколько просто чувствовал его. Однако светящиеся окна фермы понемногу росли, пока Энди не оказался перед длинной комнатой, совмещавшей в себе столовую и кухню.

К тому моменту весь стыд по поводу стука в незнакомую дверь в такой поздний час улетучился – Энди нуждался в человеческой поддержке.

Но тут он увидел в окне *их*. Людей. Красных людей. Голых красных людей – мужчину и женщину, возраст которых из-за темной краски на лицах невозможно было установить. Такое впечатление, будто они обмазали друг друга окровавленными руками, прежде чем садиться за стол.

Блуждая в темноте, Энди и представить не мог, что в окнах незнакомого дома окажется нечто, способное его отвлечь. Но *они* были слишком абсурдны.

Едва стоя на ногах от шока, он развернулся, собираясь тихонько прокрасться вокруг дома к загадочному фасаду, а оттуда сбежать по первой же мощеной поверхности, что подвернется под его грязные ботинки. Но все надежды на бесшумный побег рухнули, когда носок ботинка ударился о неподвижный предмет.

Этот невидимый предмет, твердый и неподвижный, ответил глухим стуком, отозвавшимся вибрацией в колене Эн-

ди. Тело того продолжало двигаться вперед, но нога оставалась неподвижной, Энди стал падать лицом вниз и, выбросив вперед руку, попал ею в то самое окно, что совсем недавно манило обещанием безопасности.

Вторая, свободная, нога взлетела и опустилась, Энди, удержавшись, выпрямился, подождал, пока угаснет ощущение одновременно холода и жара, предшествующее падению, и снова взглянул на обитателей дома, которые не могли не встревожиться.

Так и было.

Они оставались на местах, но повернулись, уставившись прямо на него широко распахнутыми жуткими белыми глазами, которые выражали не меньше удивления, чем взгляд Энди.

Крупный мужчина поднялся со стула и указал на его лицо. Энди отшатнулся и упал в темноте двора.

Секунды спустя холодный воздух, точно колокол, сотряс звук дверной защелки. Между собственных вздохов, казавшихся ревом, незванный гость заскулил.

Позднее в том же году

Свежайшая рана в скале истекала костями, некоторые из них лежали прямо у ног Мэтта. Два больших куска скалы, будто пьедесталы колонн из древнего храма, разбились при столкновении с песком – Мэтт так и представлял мокрый хлопок, оглушительно раздавшийся тогда в крошечной бухте.

Трещина в скале располагалась прямо над его растрепанными рыжими волосами. Мэтт перевел взгляд с нее на серый берег, прослеживая траекторию известняковых обломков. Они струились застывшей рекой по пляжной гальке и впадали в море. Скала, должно быть, осыпалась на прошлой неделе, так как же давно эти кости («животных или людей?») попали в камень? И что, все эти темные куски – их осколки? Может, даже окаменелые?

Мэтт решил собрать как можно больше интересных обломков, пока их не забрал тот же прилив, что сделал у подножия скалы зарубку и обрек ее на обвал. Стоит этой весной наступить полнолунию, как море поднимется выше, облизет оползень и заберет все реликты себе.

Причиной лавины стали тридцать лет береговой эрозии и увенчавший их месяц непрекращавшихся бурь, хотя в этой части Южного Девона ничто не говорило о бесконечном гне-

ве моря. О том, как еще недавно голубые небеса чернели от злости, а аквамариновые воды, охваченные серым мраком, несколько недель без перерыва плевались солеными комками пены в каждое обращенное к ним лицо!

Тогда в Южном Девоне много что пострадало. В течение тринадцати или больше ураганов море, обратившееся в сплошной водоворот, лезло на стены, гнуло железные ограды и дороги, разбивало в осколки причалы и рыбацкие лодки, рушило съемные домики для отдыхающих от Плимута до Долиша, даже скидывало тяжелый плащ прибрежных скал. Море, от которого ждали защиты, доброты и милосердия, предало людей и набросилось на них.

Теперь, когда все кончилось и атмосферный фронт миновал, море стало робким, будто извинялось, но города были слишком потрясены, а люди – оглушены и глубоко травмированы психологически. Никто больше не доверял морю, и не скоро снова доверится. Жителям городов возле бухт или длинных красных пляжей к северу отсюда потребуются немало времени, чтобы забыть случившееся и возродить старую связь.

Мэтт на четвереньках пополз в гущу камней и костей. Трещину он увидел с высоты двухсот метров, пока летел на своем парашюте. Холодный воздух на такой высоте пронизывал даже маску на лице, окрашивая кожу в фиолетовый.

Условия для полетов выдались хорошими. Мэтт взлетел обратным стартом с красивого местечка, предназначенного

для гуляющих по прибрежной тропе: только что он стоял на ногах – и вот уже сидит в воздухе, подхваченный восточным ветром с моря. Крыло захлопало, взлетело над головой, раздулось, и он заскользил вперед. На миг желудок расширился, будто вышел за пределы слишком тесного тела, и тут же сжался в кулак внутри ослабевшей оболочки, и Мэтт, крошечный на фоне огромного неба, поплыл в нем совершенно один.

Сидя в своем снаряжении, он взглянул с высоты на широкую полосу зеленой морской воды, переходящую в бледную бирюзу; еще дальше море приобретало холодный оттенок атлантической синевы, затем оттенок индиго, потом цвет сверкающего серебра, который наконец перетекал в кайму белого огня на далеком горизонте.

Мэтт оглянулся – земля стала плоской, все природные препятствия, такие большие внизу, сгладились. Сколько раз он ни смотрел сверху на землю, стремительное преобразование Брикбера никогда не уставало его удивлять. Трава становилась бархатным ковриком в белых царапинах от дорог и шоссе, деревья – цветками брокколи, скалы – кусками омертвевшей материи; облака парили, будто привидения в настоящих простынях, а серые здания ферм напоминали жесткие детальки Лего, сопровождавшие сына Мэтта, когда тот оставался у отца на выходные. Мэтт иногда наступал на эти детальки, и пальцы ног подгибались от боли, словно когти.

С разгоряченной солнцем поверхности скал поднимался столп пара, и Мэтт угодил в самую его середину – невидимую, но мощную. «Одна ошибка – упадешь в море, и ты труп», – сказал ему Билл, один знакомый, давным-давно, когда вводил в курс дела. Мэтт летал на своем парашюте вдоль побережья уже шесть лет.

Скала обвалилась за два километра к востоку от места, где он взлетел и увидел, как земля превращается в аэроснимок. Эти скалы были частью древнего Южного Девона и в основном состояли из темных вулканических пород и девонских сланцев, складывавшихся в мозаику из царственно-пурпурных, ржавых и медных оттенков. Местные скалы природа отчеканила 400 миллионов лет назад, когда эта часть земной поверхности лежала под водой к югу от экватора; а назвали тот период в долгой истории нашей планеты в честь графства, откуда происходил Мэтт, – девонским. Тогда под океанами, не существующими ныне, пылали древние горнила стихий, полные огня, пара и давления, где и выковывались эти утесы.

Однако трещина, откуда высыпались кости, появилась в полоске другой материи – на самом южном краю древних известняковых скал, которые активно разрабатывались в Викторианскую эпоху: они состояли из доисторических рифов и водорослей, сжатых и скрепленных ржавой гематитовой кровью. Из-за промышленной добычи известняка эти полуострова приобрели форму носов гигантских кораблей, и Мэтт

теперь осторожно миновал последний из них.

При взгляде на новый край скалы, который возвышался за провалом, стало ясно, что соответствующий отрез прибрежной тропы исчез, и по обеим сторонам над трещиной склонялись новые скалы, выставив подбородки. Они выглядели неустойчивыми.

«Надо торопиться».

Мэтт с легкостью разгреб верхний слой обломков. Когда он нашел первую кость, ему сперва показалось, что это кусок разбухшего от воды дерева, но при близком рассмотрении выяснилось, что она расщеплена на конце. В разрезе находка напоминала иссохший коралл или внутренности морской губки – когда-то в кости содержался мозг. «Может, ребро скотины?»

В основном эту гористую прибрежную местность использовали под пастбища, и по всему Брикберу гуляли стада овец породы черная валлийская горная, а поближе к прибрежной тропе – и неторопливые вороньи пони. Но хрупкость и окраска кости, напоминающая цвет красного дерева, переходящий в угольную черноту, говорили о большом, даже древнем, возрасте. Поэтому теорию, что это овцы упали с обрыва, а их останки застыли над морем, Мэтту пришлось отменить.

Поблизости среди гальки, щепок и осколков гематита нашлась другая кость, более светлая. Судя по форме, в руках Мэтта оказалась часть челюсти, а судя по ее размерам,

она принадлежала виду, больше не живущему на Британских островах. В ней оставалось три зуба, самый крупный из которых покрывала сеть из трещин, тонких, будто капилляры. Этот выдавший вида зуб размером был с большой палец Мэтта и напоминал резец. Вид резца заставил Мэтта внимательнее осмотреть землю у колен.

В музее Торки он видел останки саблезубых кошек, извлеченные из известняка в Кентской пещере. Пещера лежала ниже по побережью, а известняк был таким же, что и тут, в Брикбере.

Продвигаясь сквозь обломки наверх, Мэтт набивал карманы мелочью, похожей на птичьи кости или плюсовые кости сухопутных животных, но остановился, чтобы рассмотреть два предмета покрупнее. Эти длинные кости покрывали глубокие зарубки и царапины, а в широком конце, перед тазобедренным или плечевым суставом животного, были просверлены отверстия.

Мэтт знал: в девонских известняках находили и другие пещеры, куда вели многочисленные входы, заваленные из-за погоды или движений плит. Во многих из этих пещер обнаружили следы доисторических животных и первобытных людей. Вероятность, что есть и другие такие пещеры, никем еще не найденные, была немалой.

От предвкушения у Мэтта перехватило дыхание; под водонепроницаемой одеждой снова выступил тут же остывший пот.

«Иисус заплакал».

Интересно, если там за трещиной есть пещера, ее назовут в его честь – ведь он ее открыл? Единственным способом заметить обвал было подняться в воздух или плыть в каяке вдоль береговой линии, но во время бурь даже перевозить по морю грузы составляло риск, не говоря уже об увеселительных прогулках. В Диллмуте огромный грузовой корабль пристал к берегу, а самые рискованные парапланеристы не решились бы летать в такую погоду: Мэтт не знал никого, кроме себя, кто летал бы вдоль этой части побережья – слишком опасно.

Куда он должен сообщить первым – в полицию? «Нет, это странно». В совет? «Может быть». Или в Земельный фонд? Это ведь они занимаются общественными территориями вокруг городов и сельской местности. «Да, наверно, туда».

Сама трещина составляла всего треть метра в ширину. Что бы ни скрывалось внутри, оно по-прежнему оставалось под покровом темноты. Возможно, эти глубины не знали света десятки тысяч лет.

Приближаясь к трещине, Мэтт замедлил шаг. Она напомнила ему отверстие в человеческом теле: кроваво-красные пятна гематита походили на влажные стенки плоти, открывающиеся внутрь, откуда бледной костью выглядывал известняк.

Сначала Мэтту пришло в голову сравнение с вульвой, но

его мысли тут же приобрели неприятное направление и потекли в сторону страшной раны в голове; а при виде верхней крышки черепа среди обломков у колен это сходство только усилилось. Его передернуло.

Рябая крышка черепа, ставшая со временем коричнево-черной, лежала перевернутая, будто чаша или половинка пасхального яйца, которое сын Мэтта открыл и нашел внутри пакетик конфет. Край этой грубой скорлупы украшал ряд зазубрин, но лобные и теменные кости оставались в целости, как и шов между ними.

Кость почти ничего не весила. Снаружи ее тоже покрывали глубокие зарубки и царапины – то ли от камней, то ли от какого-то орудия. Если она действительно принадлежала человеку, значит, всю верхнюю часть черепа, начиная от надбровных дуг, грубо отпилили.

Мэтт осторожно положил находку в рюкзак и завернул в запасную толстовку-худи, не желая, чтобы, когда все станет известно, набежали, как буйволы, любопытные и растоптали кость. Впрочем, это случится, только если находки окажутся и правда важными. Сегодня у всех были заботы посерьезней: безработица, коллапс системы здравоохранения, цены на еду, кошмарная экономика, обвал курса фунта, непредсказуемый климат, забастовки, волнения... Может, всем будет наплевать на пещеру с древними костями.

Возле устья трещины Мэтт включил фонарик на смартфоне и осветил им в расщелину, снова задумавшись, когда же

свет последний раз падал в эту пещеру – а это была именно пещера!

Перед ним открывался сырой туннель с низким потолком и красноватым полом, тоже усыпанным костями; в свете фонарика стало видно, что потолок упирался в завал из камней. Пространство оказалось закрытым, и Мэтту совершенно не хотелось туда лезть: при одной мысли его грудная клетка сжалась.

Вместо этого он сунул в отверстие всю руку по плечо и достал еще одну кость странной формы.

Присев на пятки и подставив ее под свет, Мэтт осторожно провел по бокам находки большим пальцем. «И правда, кость!» В ней кто-то вырезал статуэтку, и там, где должны быть ноги, виднелся отломанный край: кость оказалась частью конечности.

Судя по торсу статуэтки, она изображала женщину с большой грудью и широкими бедрами. Выделялась одна вырезанная рука, верхняя часть оказалась повреждена, но, кажется, там была чья-то голова – скорее всего, животного. «Собаки», – подумал Мэтт, различая квадратную морду, будто у гончей. Изображение оказалось настолько сложным, что имело даже крошечные прорезы для глаз. *Это* определенно сделали человеческие руки.

Мэтт перевел взгляд обратно во тьму трещины, поглощенный восторгом от очередной находки в руках.

За его плечами море снова ударило о гальку, а потом с

шелестом откатилось по каменистому берегу – точь-в-точь как делало десятки тысяч лет до этого момента.

Когда его позже спрашивали, Мэтт с трудом мог описать, что чувствовал, держа в руках существо с головой собаки. Все, что он мог сказать, излагая эту историю другим, – никогда в жизни он не чувствовал себя таким незначительным – свидетелем и не более, крошечной пылинкой в огромном потоке времени, без остановки движущемся вперед. Этот же поток погасит все, чем был Мэтт, точно искру, за мгновение, которое космосу покажется меньше секунды, – точно так же, как много-много лет назад погас разум в черепе, что лежал в рюкзаке.

Две недели спустя

Шелли не знала, есть ли в месте, где они разбили лагерь, хоть что-то хорошее.

Местность полностью соответствовала описанию Грега: открытая, дикая, необитаемая, кругом только крутые склоны долин и безграничные просторы неба и моря. Когда-то земля здесь, наверное, была поприятнее, и леса росли – до того, как их полностью вырубил: по словам Грега, много лет назад здесь активно добывали руду. Однако, невзирая на ущерб, нанесенный человеком, природа совсем не казалась ручной – здесь все оставалось таким же устрашающим и диким, как в доисторические времена, только (в глазах Шелли) не в хорошем смысле диким, а заброшенным, угнетающим.

На второй день их путешествия давящая усталость от похода и бессонной ночи в палатке лишь возросла от странного настойчивого, будто шепот, беспокойства. Чем-то это напоминало ощущение от проникновения на запретную территорию с самоуверенными друзьями – слабое головокружение, опасение и потаенное сожаление о сделанном.

Может быть, ее беспокоила странная пустота земли или бедность цветов, складывающихся в бесконечную палитру, которая у Шелли ассоциировалась с камуфляжем. Так или иначе, она совершенно не могла ни ориентироваться на

местности, ни акклиматизироваться.

Наверное, Шелли слишком далеко оказалась от всего знакомого: в голову сами собой лезли мысли о вечном, не посещавшие ее с детства. Здесь все слишком ясно напоминало, что она – просто блоха на огромном камне, миллиарды лет назад сформировавшемся где-то далеко в космосе в результате ряда монументальных столкновений и процессов. Ощущение бескрайней пустоты над безучастной землей и бесконечная плоскость воды, уходящая за горизонт, еще сильнее навевали на Шелли одиночество и загадочный страх.

Однако было и другое чувство, даже более жуткое: будто это место и эта планета – часть некоего божественного плана, и собственная ничтожность, которую она чувствовала здесь, не только входила в этот план, но и служила Шелли наказанием.

И, возможно, от этих чувств Шелли все время казалось, будто с вершин крутой долины за их лагерем следили.

Краем глаза она замечала среди деревьев силуэты, которые замирали, стоило посмотреть на них, а если отвернуться, то начинали двигаться. Причина, конечно, крылась в странной перспективе – Шелли смотрела снизу вверх и сама двигалась, – однако игнорировать игру воображения было не так просто.

Труднее всего ей давалось определять расстояния вокруг палатки: вершина долины казалась недалекой, однако Шелли на собственной шкуре прочувствовала, как долго длился

спуск только по одной стороне. В ее памяти та же прибрежная тропа, по которой они сюда шли, уже слилась с серым туманом, проглотившим знакомый им мир. Да, перспектива здесь становилась очень странной, а от энтузиазма, с которым Грег стремился в эту долину, Шелли лишь чувствовала себя здесь еще более чужой.

Только для того, чтобы оказаться в Слэгкомбе, им пришлось пересечь два пляжа, похожих на тот, за которым сейчас стояла палатка. Все три этих пляжа образовались из камней, что тысячелетиями приносили воды, стекавшие вниз по долинам; песок на каждом пляже был темным, как наждачная бумага. Первые два пляжа не имели ни парковок, ни дорог, которые бы к ним вели, зато хотя бы лежали близко к Диллмуту. Шелли вслух спросила, зачем вообще идти дальше – первые два побережья были достаточно пустыми для них.

Но Грег считал их «слишком популярными» – он видел пару раз, как там сидели малочисленные рыбаки. А теперь, когда кто-то из местных кое-что нашел в расщелине скалы близ Слэгкомба, даже те места скоро «огородят», и туда «набегут дебилы».

Пока они здесь находились, Грег собирался найти трещину, про которую писали в газетах.

Впереди, между ними и Брикбером, лежали широкие просторы таких же галечных пляжей, которые в воображении Шелли все походили друг на друга: грубые и негостеприим-

ные.

Как следствие, первую ночь они с Грегом провели за одиннадцатую или больше километров от бухты Диллмута. О себе, подобных им, тут не напоминало ничего, за исключением ворчанья далеких мотоциклов или ярко-оранжевых флагов парапланеристов, плывущих в небе. Две ночи они провели в полном одиночестве, в палатке у пляжа под открытым небом.

С моря снова подул холодный ветер, спутав волосы Шелли и пустив мурашки по ее бледному дряблему телу. С самого момента прибытия она, сжавшись в клубок под трехслойной курткой с овечьей шерстью, сидела на единственном складном стуле, который Грег притащил на своем горбу из самого Диллмута.

По крайней мере ей обещали – и уже выполняли! – большой костер, чтобы добавить в их поход тепла и цвета, которых ей так не хватало. Грег разводил его у подножия долины, на границе между болотом и каменистым берегом: на огне он хотел приготовить консервированные сосиски и вложить их в булки. Шелли смотрела, как ее добытчик трудится по ту сторону неестественно плоской поверхности болота, блестящей, словно огромное разбитое оконное стекло. Почти всю ее скрывали под собой камыши цвета пшеницы, а над палаткой то и дело летали яркие утки.

А теперь вернулись и они – вонючие черные бараны, чье дерьмо лежало повсюду. Бесформенные черные комки шер-

сти спускались в долину и направлялись к палатке.

Вчера, стоило им с Грегом появиться, как вскоре овцы спустились и оккупировали траву вокруг палатки, словно приветственная делегация. Они ограничивались тем, что смотрели и гадили, и поначалу Шелли с Грегом смеялись, находя овец веселым приложением к их авантюрной вылазке на природу в выходные. Но очень скоро непрерывный взгляд множества янтарных глаз, разрезанных горизонтальной черной шелкой зрачка, начал нервировать Шелли. Они невозмутимо несли свой дозор, словно подчеркивая их с Грегом уязвимость, а взгляд ничего не выражающих глаз усиливали подозрения Шелли, что за ними так же пристально наблюдают и другие глаза – с вершин склонов.

«Интересно, чьи это овцы?» – подумала она. Выше и дальше от берега стояли фермы и дом Земельного фонда, до которого было очень далеко идти. Может, овцы хотели, чтобы Шелли их покормила? К шерсти скотины пристал навоз, вокруг ноздрей запеклись сопли – прекрасная эпитафия «романтическим» выходным! Надо попросить Грега, чтобы он их прогнал.

– Чего? – спросила Шелли барана, сидевшего ближе всех к палатке. Тот продолжал смотреть молча и не мигая. Шелли зашипела: – Убирайся! От тебя воняет дерьмом!

Словно в насмешку, баран выпустил из своего покрытого спутанной шерстью зада несколько черных шариков.

Шелли не стала обращать внимания – сейчас у нее были

проблемы поважнее, чем странные овцы и холод. На рассвете они с Грегом поссорились, и гневные отрывистые слова до сих пор звучали в ее голове. Грег даже сказал:

– Больше никогда.

– Мы в дерьме, Грег! В дерьме! – отвечала Шелли. – Кругом воняет дерьмом – видишь, оно везде вокруг палатки – это знак! Я не могла уснуть: тут холодно и никак не согреться! Пора возвращаться в Диллмут!

В ответ Грег побледнел, обозвал ее «занозой в заднице» и ушел смотреть карьер.

«Заноза в заднице...» За шесть лет он так бесился на нее только два раза, а если Грег выходил из себя, это могло длиться несколько дней. У них впереди была еще целая ночь, и сердитое молчание очень утомляло обоих.

Шелли встала – колени заныли оттого, что долго неподвижно сидела на холоде. Она решила пройтись, чтобы размяться и посмотреть, чем Грег занимается.

Поковыляв прочь от овец, Шелли внезапно нашла подтверждение – и воплощение – подозрения, будто за ними наблюдают: на вершине южного склона долины стоял человек.

Сначала она понадеялась, будто это просто странное голое дерево, с которого сдуло все листья, увиденное краем глаза; но при внимательном рассмотрении это действительно оказался человек. Руки тонкого силуэта, выделявшегося на пепельно-сером небе, двигались: он поднимал что-то в воздух.

Шелли услышала музыку – одну-единственную ноту из

дудки.

Но они с Грегом не находились на частной собственности – берег был общественным местом, управляемым Земельным фондом! Да, костры разводить запрещалось, но, как сказал Грег: «Никто и не узнает!»

За спиной Шелли услышала еще одну отдаленную ноту и, повернувшись, увидела другого человека. Теперь ей не бил в глаза скудный солнечный свет, и этого трубача она смогла разглядеть лучше, чем первого. Он оказался тощим мужчиной со взъерошенными волосами и безо всякой одежды; Шелли заметила даже его достоинство, болтающееся в паху. Стоя на обрыве, он дул не то в трубу, не то в дудочку, и на другой стороне долины ему отвечали.

За палаткой началось движение – к ней приблизились еще четыре барана, будто эти люди издалека ими управляли.

Переведя взгляд на внутренний склон долины, Шелли различила еще три тонких человеческих силуэта, тоже голых (поэтому они и казались совсем тощими). Она не понимала только, почему у них такая темная кожа.

Теперь их было пятеро.

Она позвала Грега, но морской ветер, сотрясавший долину, оборвал ее голос.

Шелли поковыляла к болоту – если идти под углом, она сможет проскользнуть вдоль камышей и найти дорогу к берегу.

Чуть отойдя, она не удержалась и снова взглянула вверх –

за пару секунд количество гостей молниеносно прибавилось, и вновь прибывшие тоже начали спускаться в долину.

По подсчетам Шелли, за несколько мгновений здесь появилась целая дюжина *их*. В том, как они неторопливо спускались, равномерно распределившись по склонам долины и ущелью, тянувшемуся с вершины, была какая-то зловещая неотвратимость. Они шагали, по-видимому направляясь к берегу или к палатке.

Шелли отчаянно пыталась определить, какая здесь нужна реакция – смех или тревога? Борьба или бегство? От прилива адреналина она еле держалась на ногах, то и дело спотыкалась, чувствуя, что колени будто склеились. Все внимание нужно было направить в ноги, но сосредоточиться никак не получалось, и поэтому Шелли то и дело скользила по мокрой траве и навозу.

– Грег! – не услышав, он продолжал катить по гальке большой камень к яме для огня. – Грег! Грег! – теперь услышал. Не разгибаясь Грег поднял взгляд, и Шелли указала на склоны: – У нас гости!

Снова посмотрев на склоны, она увидела, что голые люди продолжали неторопливо их окружать. Теперь тех, что на северном склоне, стало видно лучше: в тусклом освещении голая кожа блестела оттенками алого. «Красный!» Люди были раскрашены в красный. «Красные люди. Голые красные люди». И что у них с волосами – взерошенные, по бокам вырваны клоки, и кожа в тех местах блестит?

Почти каждый что-то держал в руке – что-то небольшое и черное. Еще у одного был то ли посох, то ли копье, а у двоих других – тонкие дудочки, которые слышала Шелли. «Они как будто из другой эпохи...»

В поисках подтверждения, что ей не кажется и что это происходит на самом деле, Шелли обернулась к Грегу. Тот, выпрямившись, так как ему мешали камыши, прикрыл глаза рукой и смотрел на гостей.

От волнения нервы Шелли натянулись как струна, но, если не быть осторожной, от страха сожмется горло и голос начнет фальшивить. Нельзя показывать свой страх – Шелли чувствовала, что так лучше не делать. Она решила перестать бежать и перешла на спокойный шаг.

Однако вскоре Шелли об этом пожалела – движение по неровной земле и скользкой траве оказалось почти до смешного медленным, как в плохой комедии. Чтобы обойти болото и достичь Грега на пляже, надо было пройти вдоль южной стороны долины, но теперь из-за того, что она идет так медленно, Шелли там столкнется с голыми красными людьми – они сойдут со склона и окажутся на тропе раньше.

Шелли остановилась, признав наконец, почему не хотела бежать: она боялась, что *они* тоже побегут. К ней.

– Грег! Скорей!

Грег еще шел по каменистому берегу, медленно направляясь к месту, где болото переходило в ручей, обложенный гладкими булыжниками. Его лицо издали казалось бледным

овалом, но Шелли различала замешательство и напряжение, от которого губы Грега сжались в ниточку.

– Шелл! – крикнул он.

Красные люди продолжали свое ровное и непрерывное нисхождение со склонов, приближаясь к берегу полукругом, и расстояние между ними, пока еще почтительное, сужалось с каждым шагом. Шелли, стоявшая за болотом, оказалась внутри затягивающегося ожерелья из голых людей.

Двое из них оставались вдальеке, у начала долины: один из этих двоих сидел, что выглядело странным, однако Шелли сейчас пребывала не в том состоянии, чтобы разглядеть, на чем он сидит. Второй, тот, кто стоял, воздел тонкие руки; единственной разницей между этой парой и теми, кто окружал палатку, были головы. Издалека становилось видно, что головы этих двоих непропорциональны телам – слишком велики и имеют ненормальную форму.

– Грег!

Следуя ребяческому порыву, Шелли бросилась назад к палатке, будто их стоянка обладала домашним, частным барьером, который настойчивые гости не смогут нарушить и преодолеть. Мысли Шелли метались в полном беспорядке, и она это понимала.

«Как те бараны... просто наплывают на тебя. Сверху, из глубин земли, наплывают... и вдруг раз – и окружили».

Эта простая мысль привела ее в ужас не меньше, чем лица

приближавшихся людей – красные лица с неестественно белыми глазами и зубами. Одного их выражения хватило, чтобы разрушить всю решимость Шелли, все ее надежды, будто происходящее – просто шутка. Люди были сердиты, более того – в ярости. И в предвкушении – внезапно они начали издавать жуткий звук, похожий на вой и улюлюканье разозленных обезьян. Поднявшийся шум означал, что спокойствию, с которым они спускались, пришел конец.

Знак людям подали те двое наверху, со странной формой голов: они издали пронзительные трели, граничащие с воплем, который эхом разнесся по долине, и внизу немедленно подхватили этот клич.

Распознав, что именно красные люди сжимают в руках, Шелли захотелось сесть в знак протеста, показывая, что ее не запугать. «Черные камни». Заостренные булыжники.

– Грег! Грег! Сюда! – позвала Шелли своего бойфренда, в отчаянии обернувшись в его направлении. Тут перед глазами у нее на миг все поплыло. Над пушистыми камышами виднелась верхняя часть тела Грега, начиная от пояса: он бежал с берега к палатке.

На его пути стояли несколько красных людей, уже достигших пляжа. Они остановились, будто для приветствия, и при виде бойфренда Шелли восторженно завопили, отчего их причудливые напмаженные прически и красные лица стали еще уродливее. Их было четверо – Грегу их не обойти.

– О Господи... – произнесла Шелли, обращаясь к себе и к

глухой вселенной вокруг – воздуху, камням и морю. – Господи Иисусе.

Она слишком долго ждала. Только теперь Шелли бросилась бежать, целясь в промежуток между двумя ближайшими красными существами. Это оказались женщины с жуткими ухмылками на лицах: их возраст читался в морщинах и складках на шеях, однако груди оказались на удивление гладкими и высокими.

Но даже если Шелли проскользнет, куда ей бежать? «Вверх? По склону долины?!» В левом легком уже, казалось, застрял кусок льда: далеко она не уйдет. С ее физической подготовкой она разве что поползет вверх по склону пластом.

Две женщины, стоявшие ближе всего, не меняя скорости, просто шагнули друг к другу и закрыли промежуток.

Шелли остановилась и развернулась в поисках другого прохода среди сужающегося кораллового барьера из красных людей. Наконец она бросилась в направлении, перпендикулярном предыдущему.

Стоило ей это сделать, как мужчина с густой бородой, которая вся пропиталась чем-то красным (возможно, кровью), шагнул к соседу и отрезал эту возможность тоже.

Снова сменив курс, Шелли бросилась к другой стороне долины, но двое красных людей, словно прочитав ее мысли, шагнули внутрь круга, ей навстречу, закрывая и эту дорогу.

«Болото». Болото теперь было позади – может, получится.

«В воду. Зайди в воду – там тебя труднее достать».

– Что? – прокричал Грег позади, и Шелли завизжала, услышав его. – Чего вы хотите?

Шелли слышала свое частое тяжелое дыхание, а за ним – топот босых ног по гальке на расстоянии метров тридцати – там, где стоял Грег.

Она обернулась, но Грега не увидела – только всклокоченные волосы и напوماженные маслом тела завывавших красных людей, столпившихся там, где она в прошлый раз видела своего бойфренда.

Запаханные красным руки взлетали над камышами и опускались на существо, пытавшееся вырваться из толпы. «Грег».

Ее бойфренд упал, красные люди немедленно окружили его и начали бить камнями. До Шелли доносился звук, похожий на бой барабана, набитого влажным песком: «Плюх-хлоп, плюх-хлоп...»

Ее покинуло желание бежать, в глазах побелело от шока и непонимания, и Шелли согнулась пополам от тошноты.

Над головой пролетели утки, хлопая пыльными крыльями под встревоженные возгласы, похожие на звериные.

«Плюх-хлоп, плюх-хлоп...»

Шелли хотелось сказать: «Господи, оставьте его в покое... Пожалуйста... Неужели не хватит?», но в легких не было воздуха, и она захлебывалась слезами.

«Плюх-хлоп, плюх-хлоп...»

Бесчисленные красные руки взлетали в воздух, поднимая брызги темной жидкости, будто пену от влажных инструментов, взлетали и опускались, снова и снова. Хлопанье утиных крыльев затихло, и многочисленные босые ноги затопали по направлению к Шелли. Та закрыла глаза, потом открыла.

Она стояла прямо, бессильно уронив руки и истекая соплями из носа, и смотрела, как надвигаются красные люди, раскрыв рты и завывая: фиолетовые языки, черные ноздри, у кого-то не хватает зуба; глаза слишком большие и дикие, будто у зверей.

По всем мышцам Шелли разлилось тепло, и ее охватило странное спокойствие. Она произнесла свое последнее слово:

– Нет.

Красные люди опрокинули ее на мокрую траву, крепко удерживая в одной позе.

Шелли надеялась, что от первого камня она отключится и не почувствует удары остальных пяти. Но этого не произошло.

Два года спустя

– Уверяю вас, как специалист, что никогда ни одно место доисторических раскопок на Британских островах не вызывало столько интереса. Находки в пещере Брикбера куда удивительнее, чем богатства из Боксгроува, Кресуэлла, Суонскомба и пещеры Гофа, вместе взятые!

На пресс-конференцию Кэтрин опоздала. В первые несколько секунд в ее глазах весь зал слился в одно пятно из ламп, не улыбочивых лиц и сплошных рядов стульев, обитых красным в тон обстановке отеля. Даже ковра не было видно из-под сумок с аппаратурой, прожекторов, кабелей и камер. Национальной прессе и той едва нашлось место, а остальные издания оттеснили в самый дальний угол. От спертого воздуха и жары люди в зале уже задыхались.

Утомленная Кэтрин села в заднем ряду, сердясь на себя и истекая потом. «Работая над крупнейшей в своей жизни новостью местного масштаба, журналистка пропустила пресс-конференцию!»

Не сумев припарковаться поблизости к отелю, Кэтрин проковыляла на каблуках по улицам к месту, где уже собралась пресса, дабы передать новость всему миру: у отеля на парковке стояли фургоны с логотипами «Евроныус» и «CNN». Подобрал с пола свой пресс-пакет, Кэтрин включи-

ла диктофон.

– Мы знаем, – продолжал оратор, – что тринадцать тысяч лет назад в этой пещере жили люди. Они оставались там около тысячи лет, причем – это и есть самый важный момент – на более или менее постоянной основе. Как и в других поселениях в Европе, там обитали крессвельские охотники и собиратели позднего палеолита: они возвращались в различные места по всей Британии с территорий современных Франции, Бельгии и Нидерландов во время потепления в европейском климате. Та относительно короткая оттепель предшествовала очередной холодной эпохе – позднему дриасу: он начался в 12 800 году до нашей эры, покрыв большую часть Британии льдом и обратив юго-запад в морозную тундру. Чтобы оказаться здесь, тем людям пришлось пройти по перешейку, известному как Доггерленд: теперь он лежит под водами Северного моря.

Для журналистки у Кэтрин была ужасная память на имена, даты и числа, зато лица она помнила прекрасно. Оратор оказался ведущим палеонтологом из лондонского Музея естественной истории, и за те два года, что велись раскопки в Брикбере, Кэтрин видела несколько интервью с ним в национальных новостях. Откровениям, которые этот человек сообщал сегодня, местный ежемесячный журнал «Девон лайф энд стайл», где работала Кэтрин, собирался посвятить отдельное приложение: эта пресс-конференция являлась самой важной из всех, что до сих пор давало руководство рас-

копок.

– Однако, по всей очевидности, в этом поселении, единственном во всей Британии, люди обитали на протяжении нескольких веков. О чем в том числе свидетельствуют и погребения, – оратор сделал паузу, чтобы аудитория осознала всю важность этого факта.

Несколько людей записывали; подавляющее большинство лиц в поле зрения Кэтрин выражало фальшивый интерес либо полное оцепенение.

Оратор перевел взгляд с журналистов из лондонских сетей на задние ряды, будто ожидая энтузиазма от местных, но не дождался. Лишь вспыхнула одинокая камера.

Повезло же ему... Кэтрин сомневалась, что новость уйдет далеко за пределы специальных изданий, учитывая состояние сегодняшнего мира с его постоянными катаклизмами.

– Мы также знаем, что ели жители поселения в Брикбере и на какую дичь охотились.

Кэтрин подавила зевок; на глазах выступили слезы, отчего взгляд затуманился, но тут же прояснился.

Экран изображал зеленый луг среди болот и небольших деревьев. На широких плоских просторах паслись дикие лошади, благородные олени, какой-то большой бык, существо, похожее на рябчика, и одинокий барсук. На одной стороне картинки за дичью нетерпеливо наблюдала стая волков, напротив которых у болота стояло несколько бородатых и мускулистых мужчин, полуодетых в звериные шкуры, с копыя-

ми наготове. Внимание этих людей с грубыми чертами лиц и спутанными волосами было направлено на главный номер программы – волосатого мамонта.

«Здесь, оказывается, жили мамонты?» – подумала Кэт. Ее интерес немного возрос, но со следующей фотографией опять упал. На изображении был поднос с кремневыми орудиями и наконечниками копий; под зазубренными лезвиями стояла подпись: «Берцовые кости арктического зайца-беляка».

– Сейчас мы закончили исследование пятисот тонн обломков, среди которых нашли более двух тысяч предметов из обработанной кости и кремня. Кремень происходит из Уилтшира...

В ступнях Кэтрин пульсировала боль, и она жалела, что не надела джинсы и кроссовки, как это сделали несколько других женщин, в том числе и сидевшая на ряд впереди ненавистная Вики. Та работала в «Девон Трибьюн» – как и журнал Кэтрин, на девяносто пять процентов он состоял из рекламы, маскировавшейся под новости. Кроме Кэт, единственными журналистками в костюмах, с тщательным макияжем и на каблуках оказались сотрудницы крупных сетей – высокоранговые репортеры, которые собирались лично провести интервью с приглашенными экспертами. Эти женщины источали тщательно поддерживаемое безразличие ко всем, кто сидел позади: казалось даже, над их головами парит нимб из света прожекторов – именно из-за этих

устройств в зале было так невыносимо жарко.

Кэтрин сняла жакет, но прохладнее от этого не стало – ей захотелось раздеться до бюстгальтера. В коже на заднике новой туфли оказалась маленькая «заноза», и, пока Кэтрин бежала от машины к отелю, обувь натерла ей левую ногу, а на колготках сзади появились белые стрелки до колена. Кэт была готова как следует себя ущипнуть.

– Анализы изотопов азота во многочисленных обнаруженных человеческих останках показали, что диета у обитателей этой пещеры была очень богата животным белком. Они находились наверху цепочки мясоедов, и, скорее всего, единственными их соперниками на охоте являлись волки – пещерные львы за пятнадцать тысяч лет до того момента. В основном те люди ели гигантских быков, оленей, лосей, лошадей и иногда пещерных медведей; также существуют предположения, что в охоте им помогали прирученные волки. Однако... словом, есть и другая причина, по которой эту конференцию созвали перед трапезой.

«Трапезой?! Скажи просто „обедом“, сволочь!» Но Кэтрин подавила всплеск классовой ненависти и сосредоточилась на следующем слайде. Им оказалась фотография канавы с сотнями, если не тысячами костей всех форм и размеров.

В начале и конце длинной траншеи стояли мощные прожекторы, освещавшие эту бойню. Внимание сразу привлекали жуткие гримасы человеческих черепов, лишенных че-

люстей и прочих своих частей. Лежа на куче других костей, они, возможно, впервые за двенадцать тысячелетий смотрели в человеческие лица.

– На южной стороне пещеры было скопление осадочных отложений, уцелевшее при обвале скалы. Среди этих отложений обнаружилось более пяти тысяч отдельных человеческих и звериных костей, которые хранились вместе. Таким образом, нет сомнений, что в этой пещере с регулярными интервалами на протяжении тысячи лет происходила систематическая бойня. Изученные кости покрыты многочисленными зарубками и царапинами, и, судя по тому, насколько притуплены костяные шилья и кремневые скребки, обнаруженные на этом слое раскопок, причина очевидна. В нашей пещере постоянно снимали кожу, расчленяли тела, разделяли мясо, а самые твердые сухожилия удаляли – возможно, чтобы сделать веревки или даже нити. И делали это со *всеми* останками.

Позвоночник Кэтрин напрягся: «О чем он? Неужели...»

В первых рядах вспыхнула камера, и весь шум в зале прекратился. Оратор повысил голос, будто у него в горле пересохло:

– На этом этапе раскопки перешли в криминологическое исследование места убийства... или в расследование ООН по делу о военных преступлениях. Видите ли, следы зубов на большинстве изученных костей оставлены, со всей очевидностью, человеком. Совершенно неясно, почему в этом

поселении каннибализм был настолько распространен, если местные мясоеды обладали множеством других источников пищи. Возможно, причина тому – недостаток еды на пике последней ледниковой оттепели. Однако и между ледниковыми периодами жители Брикберских пещер практиковали систематический, индустриализированный гастрономический каннибализм.

По всей комнате нарастал шепот: журналисты будто говорили в рукава, боясь, что их услышат. Только светловолосые головы высокоранговых журналисток в первых рядах вздргнулись, почуяв в воздухе кровь. Шепот прекратился, лишь когда оратор отпил воды из стакана и прочистил горло.

– Чтобы удостовериться, действительно ли нападения в этом поселении имели межличностный характер, наши коллеги из нескольких британских университетов провели подробную экспертизу, благодаря чему мы составили более точную картину смерти этих людей. Собрав и осмотрев отдельные части тела и исследовав углы разрезов в шейных позвонках, мы установили: почти ко всем жертвам применялась декапитация, пока они лежали лицом вниз; головы удаляли, скорее всего, уже после смерти. Сопоставив кости (в особенности ребра) с соответствующими черепами, мы обнаружили следы от тяжелых ранений, вызванных остриями копий, либо от ударов рубилом... – оратор помедлил, – ...полученные перед тем, как останки расчленяли и разделяли для употребления в пищу.

«Должно быть, одно дело – знать, а другое – озвучивать это перед людьми», – подумала Кэт.

– Для этой отвратительной подготовки использовались одни и те же орудия, вне зависимости от того, идет ли речь об останках лошадей, лосей, волов или людей. Например, орудие из кости, похожее на шпатель, вставляли в рот, чтобы отсоединить челюсти от черепа и обрести доступ к мягким тканям в ротовой полости. С уверенностью можно утверждать, что со всего лица аккуратно срезали и соскабливали плоть – губы, уши, носы, область глаз, даже языки, а также мышцы вокруг черепа в области лба, по бокам и на обратной части головы. Эта техника совпадает с тем, как разделявали для еды животных в те времена по всей Европе. При внимательном рассмотрении шрамов на черепе можно даже установить точный угол, под которым одной рукой держали голову жертвы, а другой рукой с острым орудием срезали наружную плоть и мягкие органы.

Боюсь, это весьма мрачно – ваши читатели и зрители будут даже шокированы. Однако нужно помнить: невзирая на нравы цивилизованного мира, наш вид на протяжении всей своей истории прибегал к каннибализму – в некоторых частях света это происходит и сейчас. Главное, что демонстрируют находки из Брикберских пещер, – местные не делали разницы между приготовлением и поеданием человеческих и животных трупов. На их столе человек и зверь обрели равенство, которое мы последний раз видели в двадцатом веке

в России и Северной Корее.

Нужно помнить, что в условиях холода и отсутствия земледелия мозг, костный мозг и мягкие ткани обладают немалой питательной ценностью. Поэтому на сломанных костях есть следы зубов, обладатели которых стремились добраться до этих лакомых кусочков, и эти зубы принадлежали людям. Таким образом, мы знаем: эти человеческие останки не пали жертвой животных других видов.

Сейчас нам удалось почти целиком собрать останки двухсот семидесяти шести людей, погибших и разделанных подобным образом. Старшим из них, судя по всему, оказался мужчина сорока трех лет, страдавший, по-видимому, от сильной боли в деснах из-за абсцесса зубов. Но они не щадили также ни женщин, ни детей – младшей из жертв было три года, и на момент смерти она отличалась полным здоровьем.

Женщина где-то в середине зала встала, извинилась перед соседями и вышла через боковую дверь. Даже Кэтрин хотелось закричать: «Ублюдки!»

– По сути, эта канава стала свалкой для выброшенных или неиспользованных материалов из пищевых складов поселения. Любопытно, что рядом со входом в пещеру обнаружены следы очага длиной в двенадцать метров, однако, судя по всему, останки людей никак не готовили.

Все слушали с неотрывным вниманием – в такой тишине было бы слышно, как падает плюсневая косточка.

– Брикберское поселение являлось центром культуры и

инфраструктуры, и отделка многих человеческих черепов, там найденных, поражает. Такое же использование человеческих черепов наблюдалось в пещере Гофа в Сомерсете, но в куда меньших масштабах. Как я сказал, некоторых жертв тщательно скальпировали, на что указывают царапины на черепе; и в двадцати случаях верхнюю часть черепа удаляли с помощью отбойника.

Черепной свод некоторых жертв представлял для данного поселения особенную важность: зачастую верхнюю часть выскабливали и очищали, а потом делали из нее так называемую мадленскую чашу. Как известно, в более молодых культурах подобные сосуды используются для переноса жидкостей, а также для питья в некоторых ритуалах.

На экране появилась чаша, похожая на древний, но целый глиняный сосуд: снаружи рябая, как яйцо черной курицы, а изнутри покрытая следами кровеносных сосудов, которые некогда поддерживали живой мозг с его мыслями и чувствами.

Если бы Кэт не сказали, что это черепной свод человека, она бы не догадалась, и теперь, увидев и узнав, как человеческое тело свелось к чаше и груде обгрызенных костей, она предпочла бы и дальше не догадываться. Для статьи подробности разделки трупов и каннибализма придется стусевать, сократив до намеков. Она знала, что Шейла – редактор Кэт – не станет печатать большую часть изложенного прессе сегодня: их читатели были в основном пожилыми, обеспечен-

ными и консервативными.

Тремя рядами впереди сидела женщина помоложе Кэт. Сначала показалось, что она кашляет, согнувшись пополам, и, учитывая жару и нехватку кислорода, Кэт ее не осуждала. Но тут девушку заметили два гостиничных лакея, неловко стоявших у стены, подняли со стула и вывели из зала. Женщину тошнило – по-видимому, в стакан из-под кофе: один из лакеев вытянутой рукой держал бумажную чашку. Кэтрин задержала дыхание.

– Давайте на время закроем неприятную тему того, как эти первобытные люди добывали пропитание в суровых природных условиях, и перейдем к многочисленным свидетельствам сосуществования этой культуры с другой, более утонченной и богатой собственными религиозными церемониями и практиками. Это поселение также производило впечатляющие предметы искусства, артефакты и занималось погребениями, свидетельствующими о немалом почтении к *некоторым* своим мертвецам. – Оратор с явным облегчением убрал с экрана чашу из черепа. Кто-то из журналистов уже шептал в телефон, мол, нашли золотую жилу: Кэт не сомневалась, что для таблоидов каннибализм именно такой жилой и окажется. Она уже видела заголовок: «Приквел „Ада каннибалов“!»

В первых рядах поднялись две руки, потом их примеру последовала еще дюжина; двое шелкнули пальцами. Оратор улыбнулся:

– В конце презентации можно будет задать вопросы; сначала я хотел бы показать вам эти великолепные погребения. Всего в той части поселения, раскопки которой закончились на данный момент, найдено двенадцать таких могил.

На новом слайде оказался полностью целый скелет человека, который лежал в пыльной нише на земле пещеры. Благодаря усилиям археологов эксгумированные кости были тщательно очищены.

– В глубинах пещеры под так называемым «ложным полом» мы обнаружили останки двенадцати человек. Все они – женского пола, а их возраст – между тридцатью семью и сорока восемью.

Останки прекрасно сохранились; как мы видим, каждую из них осторожно положили в отдельное углубление, окружив весьма разнообразными и примечательными загробными дарами, некоторые из которых были сделаны как минимум двадцать тысяч лет назад. Таким образом, артефакты использовались повторно. Женщины в этих могилах на раскопках стали известны как «Красные королевы Брикбера», – стоило оратору произнести титул «королевы», как все журналисты в зале почтительно склонили головы (чтобы записать).

– Мы пришли к решению так их назвать, поскольку каждый труп, должно быть, разрисовывали оксидом железа – красным пигментом, который эти люди извлекали из местных камней и, по всей видимости, перерабатывали в краску.

В каждом углублении обнаружены большие залежи этого гематита. Данные погребения носили ритуальный характер.

Кроме того, в могилах мы обнаружили черепа разнообразных животных, по-видимому имевших для этих женщин особое, возможно, даже магическое значение.

Первая обнаруженная королева хранила уцелевший череп гиены (*Crocota crocuta*), а вместе с ним – реликт, старше покойной по крайней мере на двадцать тысяч лет: животное, некогда превышавшее размером современного африканского льва. Может, местные жители нашли его в пещере, а может, даже принесли с собой вместе со своей культурой.

Других королев тоже похоронили вместе с черепами, правда, в девяти случаях они принадлежали волкам – на тот момент местным коренным жителям. Любопытно, что одна из королев оказалась погребена с черепом пещерного льва (*Panthera spelaea*). Череп тоже был намного старше ее, а лев некогда являлся эндемичным видом для этих мест. Другая лежала с черепом саблезубой кошки (*Homotherini*) – этот вид вымер примерно тогда же, когда люди покинули эту пещеру, в начале позднего дриаса.

Такая культура и практика погребений схожа с теми, что мы наблюдаем в различных поселениях в Германии; и, как и в случае могил на континенте, в Брикбере также было обнаружено множество погребальных даров, сделанных руками человека: резные изображения и простые, но красивые музыкальные инструменты.

Они представляют собой ни много ни мало настоящие произведения искусства: все дудочки вырезаны из костей в лебединых крыльях; самый длинный инструмент составляет сорок сантиметров в длину, самый короткий – шесть. И каждая дудочка украшена точным и весьма чувственным изображением водоплавающих птиц, – на экране появился новый слайд: руки в резиновых перчатках осторожно держали гладкую дудочку, как будто сделанную из выскобленного дерева.

– Когда-то в этой пещере играла музыка: возможно, она была частью церемоний и ритуалов, а возможно, просто источником удовольствия и средством сближения в трудные времена. Можно только гадать. Что касается артефактов с резьбой, известно, что большинство их сделано из кости мамонта и изображает, по-видимому, человеческих женщин, хотя и со звериными головами. Похоже, что головы принадлежат гиенам, гигантским кошкам, собакам или волкам, но большая часть найденных артефактов была испорчена, их фрагменты утеряны. Возможно, некогда эти фигуры крепились к деревянным шестам, но те давно разложились.

На экране появились статуэтки с прямой осанкой: ни у одной не было рук или ног, низ живота заканчивался острием, зато по крошечным и грубоватым ушкам становилось ясно, что принадлежат они животным. Статуэтки отличались правильными пропорциями, даже грацией, но на Кэт произвели впечатление чего-то звериного. В их очертаниях и позах ей виделась неясная агрессия, в гримасах, которые застыли на

испорченных временем мордах, читалось нечто жуткое, полное безумия и жестокого восторга.

– Последнее, чем я хотел бы сегодня поделиться – великолепная и чрезвычайно любопытная статуэтка женщины. Она больше, чем предыдущие, сделана из обожженной глины и очень похожа на изображения Венер, найденных по всей Европе в более ранних поселениях кроманьонцев. И она появилась на свет около 30 тысяч лет до нашей эры – за пятнадцать тысяч лет до того, как данное поселение вновь придало ей былое значение.

На экране появилась черная статуэтка без головы и ног – несмотря на плавные чувственные округлости, Кэтрин не назвала бы ее «великолепной». На белом фоне гигантские черные груди (возможно, истекающие молоком) казались еще больше; сильно выступающие назад бедра и ягодицы выглядели очень правдоподобно.

– Возможно, она символизирует плодородие и продолжение человеческого рода.

«Или преходящую жизнь и постоянное кровопролитие».

Кэт не нравился поворот, который приняли ее мысли, однако это происходило каждый раз, когда она лицом к лицу сталкивалась с жестокими подробностями человеческой истории.

В зале было жарко, но кожа Кэтрин стала холодной. Стоило закрыть глаза, как мысли заполняли картинки с экрана.

Оратор спросил, есть ли вопросы.

«Можно я пойду?»»

* * *

Когда красная брикберская земля разверзлась, открыв археологам таящиеся в недрах ужасы, Кэт жила на периферии пораженной местности – к северу от Диллмута, в Мурбридже, на Килн-лейн, в доме на две спальни. Оттуда она имела возможность наблюдать, какое преобразование несла с собой сила, распространившаяся из темного мавзолея к ближайшим бухтам.

Обнаружение первой пещеры на время всколыхнуло местные и национальные новости, а в академических и научных журналах, которые читало меньше людей, эта тема поселилась навсегда. Однако два года спустя после того, как один парапланерист заметил трещину в скале Южного Девона, первоначальный интерес показался ничем в сравнении с тем, что вызвали находки внутри пещеры.

Слава о грубо сработанных артефактах, извлеченных из холодной, лишенной всякого света гробницы, разнеслась по всему миру, потрясая воображение людей, как ничто другое. Это открытие породило множество историй и теорий, пересматривающих все, что мы знали о первобытных людях. И ученые, и конспирологи-любители строили всевозможные догадки, и пыл их не только не угас, но даже нисколько не

остыл. Для портовых городов Брикбера и Диллмута эти пещеры стали самым большим событием за много лет.

После того как в пятидесятых прекратил работать последний карьер, Брикбер почти обезлюдел: нищий, заброшенный рыбацкий порт уступил Бриксхэму на севере, где дела пошли в гору. Но теперь у Кэт на глазах происходило его возрождение.

А на юге Диллмут – анклав роскоши, сверкающих яхт и домов мечты с белыми стенами – поглотила мысль о пещерах, которые манили сказочным обещанием еще бóльших богатств.

После того как первая выставка обошла Британские острова и Европу, казалось, каждый отель, гостиница, хостел, пансионат, кафе-мороженое, магазин для сувениров и забегаловка с жареной картошкой и рыбой испытывали прилив новых лиц, каждый паром, парковка и проселочная дорога кишели незнакомым транспортом.

Пещеры словно призывали людей беззвучным свистом, и туристы со всего мира снова прибывали, сотрясая внешние края Южного Девона, – учтивые, неразговорчивые и непримечательные. «Мы попали на карту – скоро все изменится!» – казалось, все вокруг дышало этим девизом, верило в него, жило по нему; и на время возможным показалось все. Даже в Редхилле, бесполезном и нищем сателлите Брикбера – измученной серой деревеньке, влачащей существование в окружении последних работавших ферм, – начались преоб-

разования, прежде казавшиеся невозможными.

На глазах Кэт гостиницы у бухт ремонтировали, опустевшие магазины обретали новых хозяев, дороги расширялись, совет раздавал гранты на развитие, возрождались древние праздники, едва остававшиеся в памяти, а для открытия рыбного ресторана прибыл знаменитый повар. Время от времени на горизонте даже появлялся круизный лайнер, медленно проплывавший мимо берегов, теперь называвшихся «Побережьем каннибалов».

И все-таки самые заметные перемены происходили вдали от собственно пещер. А вокруг них, на тридцати квадратных километрах холмистой местности и там, где морской туман заполонил прибрежные ложбины, деревня оставалась такой же, какой была задолго до открытия старых рудников и задолго после их закрытия.

Несколько туристических троп вело в направлении Редхилла, но они оказались слишком трудными, и экскурсии с гидами там не прижились. Фермеры, будто издавна стоявшие на страже местных земель, просто обновляли заборы, делая их выше, и жили, в общем, так же, как и всегда, образовав вагонфорт вокруг пещер.

Но из всего этого периода открытий и нового потенциала Кэт больше всего запомнилась ночь после пресс-конференции в Плимуте.

Ее разум (разум, стремившийся защититься от мирских смятений Лондона, где некогда жил) говорил: при раскопках

нашли ее прошлое, заразив воображение Кэтрин содержимым тамошних могил.

* * *

«Холодная каменная могила, устланная костями.

Скелет человека, рассыпавшийся вокруг полуразвалившегося черепа гиены. Жуткая рябая голова в объятии тонких рук.

Красная королева.

Crocuta crocuta».

Кэт застыла где-то на грани между сном и явью, и в ее мыслях, как обычно, проплывал монтаж событий дня. Она будто проматывала телепередачу, иногда останавливаясь и запуская воображаемые диалоги: как все могло пойти иначе, как должно было пойти, как пошло бы, если... И постепенно в мутном и темном эфире открытого космоса в ее разуме всплыли *они* – те изображения *иного* – и приняли ясные очертания.

Перед глазами вращалась костяная статуэтка с головой шакала – тот возбужденно вздернул морду, будто бы влажную. При виде безногого изображения с прямой осанкой из закоулков разума даже зазвучала какофония нападающих псов.

За этим последовала другая сцена: бесформенное стадо огромных мощных зверей, одного из которых схватили за

горло, бросили на толстые колени и наконец повалили на грязный бок с грохотом, от которого вздрогнула замерзшая земля под... «нею»?

Толпа жадных черных голов немедленно стала раздирать поваленное животное.

«Рык, перерастающий в смех...

Черный камень в грязной руке срезает плоть с человеческого лица – будто рыбу разделывают».

Кэт резко проснулась. Ей-то казалось, что она спит и видит сон (хотя видение было слишком живым для ночного кошмара). До начала кошмара она тонула в удушающей тьме, удаляясь от спальни и постели, а потом будто пропустила ступеньку – и провалилась во внутреннюю бездну, а там на нее обернулась каменная звериная голова и ухмыльнулась. Но «расчленение трупов»...

Кэтрин села на постели. «Расчленение», «гастрономический каннибализм» – когда она только входила в конференц-зал в тот день, подобные термины не являлись частью ее сознания. Теперь в словарном запасе Кэт появился новый раздел для зверств и кровопролития.

Ей потребовалось несколько секунд смотреть на вновь украшенный потолок спальни, чтобы очистить разум, кишевший столь гнусными паразитами.

Без сомнения, в тот день в Плимуте воображение Кэтрин

выцвело и покрылось пятнами, а теперь воспоминания об увиденном в презентации PowerPoint воплотились в бредовых сценах, выдуманных ею самой. Эти видения оказались куда яснее, чем снам полагается быть, но у Кэт не хватило любопытства, чтобы спросить себя, почему.

Проснувшись от первого кошмара, она заметила, что свет в спальне все еще горел: их со Стивом сексуальная борьба оказалась более страстной, чем обычно, и они так устали, что не выключили электричество.

Стив лежал, повернувшись к Кэт худой спиной, и спал сладким посткоитальным сном. Слышалось его приглушенное, но глубокое дыхание.

Увидев Кэт после работы в костюме и на каблуках, ее бойфренд тут же затащил ее в постель, на что Кэтрин улыбнулась. Эту часть своего гардероба она редко раскапывала после того, как годы назад уехала из Лондона, но костюм и аксессуары взбудоражили либидо Стива, как будто Кэт стала другой, новой, любовницей.

Возможно, эти же одежды пробудили в ней самой воспоминания о ярких огнях давней – оставленной – жизни в столице. После переезда в Южный Девон Кэт поторопилась закрыть эту книгу и лишь изредка пролистывала некоторые главы.

Свою карьеру она бросила на самом пике, но это – даже не половина всего. Всякие сожаления были обманом, потому что причина этих сожалений – не всё, и никогда не бы-

ла всем. Но старый мундир, надетый на пресс-конференцию, тут же стал обузой, в швы которой зашили плохие воспоминания. Вновь открылись личные гробницы, спрятанные в ложном поле разума Кэт – ее падения и позора, а самыми коварными воспоминаниями оказались мысли о Грэме, ее экс-бойфренде. Поэтому всю дорогу домой Кэтрин злилась и скрежетала зубами, как и всегда при мысли о Грэме.

Из лондонского прошлого Кэт обычно вспоминала непрходящий насморк, головные боли, будто от прострелов, и ломки без этанола; она забывала есть, то не спала, то спала двадцать часов подряд, то думала и тараторила со скоростью компьютерного процессора, то – что случалось гораздо чаще – тупила и заикалась, как дерьмовое интернет-соединение. И усталость – до костей, до глубины души.

Но секс со Стивом изгнал, хотя бы на время, гнусные мысли о пещере и Грэме, привезенные домой, хотя она сама понимала: чтобы на следующий день быть хоть насколько-то работоспособной, обязательно нужно поспать. Закрыв глаза, Кэтрин попыталась снова уснуть и во второй раз отключилась, будто ее засосало в темноту под кроватью. Ее сны наполнились новыми любопытными образами.

«Каменный топор в форме маятника – в слабом свете воспоминаний он имеет почти фиолетовый цвет. Края отбиты для остроты.

Шипастое костяное шило.

Слабые ноты из костяной флейты – легкие, тонкие, пре-

красные, сказочные во тьме, наполненной дымом.

Лица человеческих скелетов, появившиеся на музыку. Верх головы у каждого отбит, будто яичная скорлупа.

Волчий череп с отверстиями сверху на трупе человека.

Она бежит и падает (будто ноги неравной длины) в пещеру, в ничто – в ложный пол...

Дородная Венера. Гладкая глина все вращается и вращается, будто карусель. Красные отблески костра пляшут на округлостях и рельефе...

Голос во тьме – лепет человека... или это собака?

Влажный шлепок... чавканье мягких тканей...»

Тут Кэт резко села на постели. Ее дыхание участилось, во рту горчило от тошноты, в ушах стояло эхо тяжелого шлепка. Откуда исходил этот звук? Наверняка из дома! Сама Кэт такой звук не могла издать, и возможную причину ему она видела только в убийстве.

Кэтрин оглянулась на Стива, думая, стоит ли его будить. После второго кошмара ей не хотелось оставаться в одиночестве.

Но наконец эхо влажного шлепка развеяли менее мрачные мысли бодрствующего человека. Тогда Кэт вылезла из постели, выключила свет в спальне и спустилась по узкой лестнице.

Когда-то, сто лет назад, в этом доме жил рабочий карьера со своей большой семьей. «Прошлое повсюду». Станет ли

она теперь постоянно обращать внимание на историю этих мест? «Плохие воспоминания никогда не умирают – только размываются, сглаживаются, тяжелеют, теряя свою заостренность».

Это небольшое здание стало убежищем для Кэтрин несколько лет назад. Два этажа, две комнаты на первом, две спальни на втором, парадная дверь выходит на бульвар, который ведет в Айвиком, к магазинам. Она купила его, продав квартиру с одной спальней в невеселом районе Лондона. В тот период своей жизни Кэт уже оставила всякую надежду когда-либо снова жить в настоящем доме, с двумя этажами и садом.

Освещало ее дом электричество – не керосин, не уголь и не дрова. В здании благодаря центральному отоплению было тепло, стены покрывали кремовые обои, в центре уютной гостиной стоял большой телевизор – его Кэт и включила, чтобы снова похоронить нехорошие сны. «А у других журналистов такие же мысли?»

Она взглянула в сторону занавесок. Что же на самом деле окружало ее дом? Неужели теперь местный пейзаж будет только напоминать о том, что некогда бродило по этим долинам и что делалось под ними? Неужели она «поехала» навсегда?

«Расчленять.

Разделять».

Далеко ли пещеры от парадной двери? Кэт прикинула: получилось десять-одиннадцать километров; к тому же вокруг пещер лежала сплошь пустая земля, окружавшая бухту Брикбера. Эти места Кэтрин не знала, ей доводилось только иногда проезжать их на машине.

«Зачем вообще туда ездить? Никто не ездит. На что там смотреть?» Фермерские угодья, умирающая деревня Редхилл и поля, под которыми скрывались зловонные полости, а в них – обглоданные улики индустриализированного убийства, лежавшие в тайниках многие тысячи лет, но во сне Кэт проявившиеся снова.

Она постаралась загнать поглубже пробудившийся вдруг ужас от того, что больше нечего противопоставить худшим местам и худшим образчикам человеческого поведения. Обычно такие мысли Кэтрин не приходили, но утренних новостей хватило, чтобы понять: снова начались отчаянные времена. Они всегда стремились вернуться, и не только во втором или третьем мире. У любого начались бы такие же сны при столкновении с самыми кровавыми эпизодами из жизни доисторического человека. «Правда же?»

Выключив телевизор, Кэт внезапно оказалась в вакууме тишины. На миг ей стало тепло от благодарного ощущения, что она живет сейчас – в доме, а не в сырой пещере, где обитают существа с окрасенной плотью, грязными зубами и грубыми лицами; где черный воздух провонял падалью, а от костров поднимаются пряди дыма.

«Руки, грязные и скользкие от жидкости, вытекающей из сырой плоти во ртах, окруженных бородами».

Ей на миг показалось, что элегантная современная комната вокруг дивана вдруг преобразилась: теперь ее пятнали кровь и сажа. Кэтрин вздрогнула – она была готова набить сама себе лицо до неузнаваемости. Она же только что то же самое видела во сне, разве нет? «Как это все забирается к тебе в голову и продолжает там прокручиваться?»

Кэт заставила себя думать о чем-нибудь другом: завернулась поплотнее в халат, улеглась на диване и стала листать местную газету.

Ближе к трем утра она вспомнила, что в первую очередь нужно будет сделать новый черновик своей длинной статьи, а потом – провести пять часов на подработке в пресс-службе центра искусств, в офисах Земельного фонда в Тотнесе. К тому же, чем дольше она бодрствовала, тем больше ей хотелось испытать горько-сладкий вкус холодного белого вина.

Но это бездумное желание оказалось мимолетным, и проигнорировать его, выждать и отпустить оказалось легче, чем когда-либо. Кэт уже три года не ходила на встречи и не звонила спонсорам – не чувствовала нужды.

Прошлепав в маленькую кухню, она отпила из стакана воды, помыла посуду, проверила замки на дверях, посмотрела, выключена ли плита, и только потом легла в постель.

Стоило Кэтрин забыть о сне, как он вернулся, но принес

с собой те же беспорядочные движения угловатых теней на красных каменных стенах. И на этот, третий, раз она слышала крики и плач детей.

Проснувшись в третий раз, Кэт не ложилась до самого рассвета. У нее возникла странная мысль, из тех, что приходят только очень рано по утрам: там, где из земли выкапывают столько старых костей, ничто никогда не будет как прежде.

Раскопки

5

Два года спустя

Ее покойного брата Линкольна не было уже шесть лет, но записи, сделанные им, находились на расстоянии одного клика.

Единственным источником освещения в спальне Хелен служил экран ноутбука. Ее дочь в соседней комнате наконец-то уснула. Каждый вечер Хелен изо всех сил стремилась правильно распределить время, отведенное на материнские обязанности, и это стремление очень быстро обращалось в невроз, лишавший ее малейшей возможности расслабиться. Малышка Вальда явно поставила себе цель по максимуму занимать последние два часа каждого дня матери; этот ребенок никогда не мог оставаться в одиночестве надолго.

Но наконец Хелен осталась в постели, окруженной темной и теплой тишиной, и, хотя ее тело по-прежнему пронизывали уколы раздражения оттого, что укладывать дочь каждый вечер было очень трудно, это чувство уже слабело. Камни напряжения, набившие шею, спину и плечи, стерлись до песка, а после второго бокала вина разум Хелен полностью расслабился. Последние следы гримасы постепенно таяли на ее

лице. Освободившись от долга матери и хозяйки, женщина зевнула: почти каждый вечер ее глаза закрывались и объявляли о конце рабочего дня раньше десяти.

Диски, разложенные перед ней на одеяле, Хелен до сих пор никогда еще не слушала – частично потому, что злилась на Линкольна из-за его самоубийства. Шесть лет назад именно она убирала вещи из неубранной квартиры брата в Вустере, так как, кроме Хелен, никого больше для этого дела не нашлось. Там она и нашла эти записи в пластиковом контейнере с надписью «SonicGeo» на крышке.

Насколько Хелен знала, единственной и всепоглощающей одержимостью Линкольна (если не считать каннабиса и легальных веществ, с которыми он экспериментировал в своем захламленном односпальном вустерском гнездышке, располагавшемся над офисом букмекера) была запись природных подземных звуков.

В последние годы жизни, перед тем, как он всего в тридцать лет спрыгнул с Севернского моста, только поиски этих странных звуков и приводили ее брата в детский восторг.

Обнаружив машину Линкольна у моста, полиция сразу же предположила очевидное. В багажнике оказалось его туристическое снаряжение; записки, как ни странно, не было, и тела Линкольна так и не нашли. Но, как сказали полицейские Хелен и ее маме, трупы прыгнувших с того моста находят не всегда.

Хлам, принадлежавший брату, Хелен хранила в гараже

своего маленького таунхауса в Уолсолле, предоставленного одной жилищной ассоциацией. Все эти коробки с книгами, комиксами, странной музыкой и странными фильмами ужасов, потрепанное туристическое снаряжение, звукозаписывающие устройства, найденные в машине, и коробка с CD, без сомнения лопающихся от странных звуков, лежали под полиэтиленом шесть лет.

Когда он умер, у Хелен не было времени, чтобы разобрать его вещи – слишком она волновалась из-за трудной беременности. Гнев из-за того, что младший брат покончил с собой, не затихал до последних пяти минут похоронной церемонии. Только тогда она, сидя в первом ряду в церкви, ощутила его присутствие, и это необъяснимое, но успокаивающее чувство почти заглушило безумное горе.

Четыре дня спустя после похорон Хелен родила своего первого ребенка. С тех пор у нее не оставалось сил горевать, и вещи брата стали символом бессмысленной потери, свидетельством наклонной плоскости, по которой скользил Линкольн, а может быть, даже одной из причин, по которой у него с головой все стало настолько не в порядке.

С тех пор единственным, что держало Хелен и ее мать на ногах, стала Вальда и забота о ней.

К тому времени как пропал Линкольн, беды и неудачи прочно и коварно укоренились в их семье и росли как снежный ком, так что казалось, проблемам не будет конца. Всего год назад папа умер от рака простаты, у мамы диабет и

артрит разрослись до инвалидности... и тут Линкольн взял и сделал *это*, добавив еще одну трагедию. Хелен и представить не могла, что злость на брата послужит такой крепкой мачтой в буре горя.

Она вся раздулась, ее терзают мучительные боли внизу живота и преэклампсия, а спина болит так, что Хелен редко удается держать ее прямо – а Линкольн взял и прыгнул с моста! Он так хотел стать дядей, до этого оставались недели – и тут он взял и покончил с собой! А младшему брату пришлось бы участвовать в жизни племянницы – Хелен его бы заставила. Ей, ее дочке и их старенькой маме он был нужен.

Когда Вальде исполнилось три, Хелен вернулась на работу, и, хотя ей помогали мать, няня и бесплатный садик, где дочь проводила по пятнадцать часов, это оказалось не проще, чем сидеть дома с ребенком предыдущие три года. Но теперь Вальда все чаще играла одна и осваивала навыки личной безопасности, и Хелен обнаружила, что сейчас думает о Линкольне чаще, чем раньше.

Она так и не приняла, что брата действительно нет, и это только мешало. Трудно было не думать, что Линкольн еще жив – где-то там, с новыми людьми, в поисках очередной идеи или странного хобби, которое станет новой одержимостью. От него шесть лет не приходило ни электронных писем, ни сообщений, но Хелен по-прежнему верила: он вернется, когда будет готов. Так всегда случалось.

Но Линкольн до сих пор не вернулся.

Его последняя аудиозапись была сделана за две недели до исчезновения, примерно в то же время, когда брат в последний раз связывался с Хелен. Он даже прислал мейл, который она потом скопировала в документ Word:

«Сестренка, я сейчас вернусь в Девон, а потом, честное слово, загляну к маме. Сделал отличные записи в Южном Дартмуре и Брикбере, теперь хочу еще.

Мую коллекцию – лучшие куски – собираются выложить на сайте GaiaCries. У меня там будет альбом – целый альбом! Мую запись даже за подделку приняли – настолько она крута. Она лучше всего, что я слышал на их сайте, – там сплошные звуки метро, ядерных бункеров и заброшенных шахт.

Знаешь, мне кажется, я бываю счастлив, только когда сижу в палатке. Все лето в Брикбере я испытывал экстаз и восторг – и нет, не только из-за травки;-)

Я загрузил кое-что – это можно поиграть ребенку. Тюлени в бухте [тут].

Обещаю позвонить маме.

Лин xxxxxx»

Порывшись в интернете, Хелен нашла GaiaCries – сайт для тех, кто исследовал саундтрек самой земли. Участники этого форума записывали в полевых лабораториях подземные звуки разных необитаемых мест – заброшенных городских зданий, промышленных комплексов и редких уголков земли, не затронутых цивилизацией. Были даже записи из

Чернобыля и Зоны 51.

Оказалось, эти темные и забытые места – заброшенные рудники и туннели, пустые шахты, потухшие вулканы, пещеры при отливе – на удивление богаты звуком из-за движений земных плит или ржавеющих монолитов, построенных и заброшенных человеческой жадностью. Этот оркестр, не заботясь о слушателях, играл композиции без мелодии, со странным и ненамеренным ритмом.

Наказывая себя, Хелен вспомнила, как не проявила интереса, когда брат в свою последнюю весну дома у мамы впервые с горячим энтузиазмом рассказывал о своих записях. Он болтал без умолку, описывая сестре свои изыскания, а потом достал из засаленного рюкзака набор маленьких черных коробочек и проводов. Но Хелен на них и не взглянула – так она была разочарована и раздражена неспособностью Линкольна взяться за ум.

Он всегда рассказывал сестре о своих увлечениях в ожидании одобрения, а Хелен никогда даже не пыталась изобразить интерес. Попытки Линкольна писать странную электронную музыку, окутавшись облаком каннабиса, пробуждали в ней инстинктивное отторжение и противоречие. Хелен имела глубоко вросшую привычку отвергать прошлое, родной город и тот образ жизни, в котором она теперь как раз застряла; эта привычка мешала ей увидеть брата по-настоящему, вблизи, увидеть в нем взрослого, а последним ударом от сестры стало мучительное равнодушие.

Она всегда отталкивала Линкольна, не переставала его критиковать и ни разу не поддержала, – и за это ненавидела себя куда больше, чем за миллионы остальных причин ненавидеть себя.

Ссылка в последнем мейле Линкольна вела в облако. К похоронам Хелен щелкнула по ней, но никакой записи «тюленей в бухте» не оказалось – ее брат удалил все файлы и очистил аккаунт накануне того, как спрыгнул с Севернского моста.

По крайней мере, в последний год своей жизни Линкольн казался бодрым и счастливым, невзирая на устрашающе беспечное употребление экстази – только за эту мысль Хелен с мамой и держались. Но и она была неправдой – его счастье, скорее всего, оказалось маниакальной фазой биполярного расстройства.

Кроме вышеупомянутого, от жизни брата мало что осталось – ближе к концу он стал беден как дерьмо церковной мыши: всего 170 фунтов на банковском счете и невыплаченный долг по кредитке в десять тысяч фунтов.

Хелен не знала другого человека, который сменил бы столько кошмарных работ. На некоторых из них Линкольн продержался меньше часа: однажды он рассказывал, как нашел временную работу, но в первый день, на Рождество, не смог пройти через двери склада. Описывал он это в своем обычном стиле: дескать, его охватила «некая странная сила» и «парализовал ужас», и Линкольн понял, что «по ту сторо-

ну металлических рулонных ворот умрет часть его души». Тогда он отправился домой пешком под дождем, сделал яйца пашот с тостом, снова лег в постель и съел их.

«Младший братик...»

Хелен улыбнулась, утирая первые слезы. Совершив поворот, ее мысли растревожили воспоминания, десятилетиями остававшиеся нетронутыми: веснушки Линкольна, петушиный вихор волос, широкая улыбка и связанный бабушкой свитер с орнаментом. Воспоминание, точнее даже – фото в мамином альбоме с переплетом из искусственной кожи, имевшее оттенок сепии.

Этот мальчик никогда не грустил долго – Хелен помнила об этом и без фотографий. В детстве она часто его обижала, но он всегда возвращался, и в его заплаканных глазах сияла надежда, что на этот раз старшая сестренка не оттолкнет братика с его бурными шалостями. Теперь мысль о том, как он плакал из-за Хелен, причиняла невыносимую боль. «Такой маленький мальчик...» Почему она это вспомнила?

Раскаяние лежало на сердце тяжелым холодным камнем, и мучительная любовь к брату вдруг преобразилась в тоску по девочке в комнате рядом. Задыхаясь от жажды быть рядом с родными, Хелен поклялась себе, что никогда не будет уязвлять чувства дочери и критиковать ее, никогда не будет переносить на ребенка свою злость и усталость или слишком сердиться на девочку.

Перестав плакать и затолкав болезненные воспоминания

на самое дно разума, Хелен приготовилась услышать голос брата и вставила в ноутбук диск с неаккуратной надписью: «Диллмут: расщелина над бухт. Уил, трещина в скалах около бухт. Ор».

Голос Линкольна так и не прозвучал – спасибо и за это. Что бы он ни записал, это было очень тихо. Только повысив громкость и надев наушники, Хелен услышала ворвавшийся в уши шум моря, шелестевшего по камням.

Закрыв глаза, она слушала, как вода наплывает и отступает в закрытом пространстве. Ритм звуков успокаивал, и ничего, кроме них, не существовало.

Хелен сменила диск, выбрав «Уэйлэм-Пойнт. Пещера в скалах». Рядом с надписью стояла звезда и знак восклицания – видимо, запись была важна, хотя почему, Хелен не знала.

Запись содержала раскаты, напоминающие гром. Она длилась шесть минут; после двух первых звуки изменились – теперь как будто дули в дудку. Не играли – нот не было – просто воздух постоянно шел через узкое отверстие (может быть, подземную трещину, куда Линкольн сунул микрофон). От звука Хелен стало холодно.

Она уже приготовилась достать диск, но тут вздернула голову, услышав далекий голос – или голоса.

Да – появилось, по-видимому, несколько людей, речь которых была неразборчива из-за расстояния и движений воздуха ближе к микрофону. Хелен увеличила громкость, но не смогла различить ни слов, ни отдельных голосов. Говорящие

так и остались безликой толпой, проплывшей вдали.

«Ветер под землей может звучать как голоса...»

На передний план снова вернулись раскаты – возможно, от движений земных плит. Без визуального сопровождения или объяснений в чем угодно можно разглядеть что угодно, особенно при живом воображении. И все же Хелен начала понимать, почему ее брата так привлекали «SonicGeo»: звуки природы, извлеченные из их естественной среды, создавали впечатление загадочного, незримого движения. К тому же, прослушивая их, Линкольн наверняка был под веществами.

На смену раскатам пришли ритмичные удары твердым предметом по какому-то полому объекту: Хелен представила себе стук по деревянному сосуду, потом – по чему-то более твердому и плотному. Может, полому камню.

Запись закончилась.

Хелен вставила третий диск. Рядом с названием «Вторая бухта у Уэйлэм-Пойнт» стояла звезда и три знака восклицания.

Полная тишина.

Если верить цифрам на дорожке аудиоплеера, оставалось две минуты записи, но прошло двадцать секунд, а Хелен до сих пор ничего не услышала. Она уже хотела выключить, но тут вздрогнула, услышав... выдох. Потом – едва слышное покашливание, и снова абсолютная тишина на следующие два-

дцать секунд.

«Какое-нибудь животное?»

На сорок седьмой секунде послышался звук – сомнений не было, это бежала вода (наверное, по камням в бухте из названия, подумала Хелен). Он не прекращался пятнадцать секунд, потом к нему снова присоединился кашель – на этот раз вдали.

Вдруг раздался звук, к которому Хелен была очень восприимчива, – плач младенца. Лишь тогда она подскочила, перемотала запись и сняла наушники – может, это Вальда в другой комнате? Нет, плач оказался частью записи.

Хелен снова проиграла этот отрывок – звук, перекрываемый журчанием воды, повторился. Скорее всего, это птица или животное кричит рядом с расщелиной или внутри... «Боже, но ведь это точь-в-точь ребенок!» Запись закончилась.

Хелен вставила четвертый диск: «Слэгкомб-Сэндз. Внутри расщелины в скалах Уэйлэм-Пойнта». Надпись тоже была украшена звездами и восклицательными знаками.

Запись подверглась монтажу. Она начиналась с шума, напомнившего Хелен о камушке, катающемся по каменной чаше без остановки. Да, именно так: крошечный сухой гладкий камень, круживший по изгибам чаши... Звуки продолжались, пока в наушниках не прозвучало слово.

По крайней мере, нечто, похожее на слово: «кром-крил-

ом». Так Хелен записала бы его в соответствии со звучанием (но не правилами английской орфографии). То, что последовало за словом, напоминало глоток большого горла.

Снова ветер зазвучал в полой трубе – и снова без мелодии. Это походило на звук, возникавший, когда Вальда обхватывала губами трубочку и дула, но этот тоненький шелест воздуха не прекращался, а нарастал, заполняя собой наушники, пока файл не закончился.

Хелен взглянула на наручные часы – было уже поздно, но усталости она больше не чувствовала. Вместо нее пришел интерес, даже тревога.

Она взяла последний диск с надписью: «Редстоун-Кросс. Карьер в сельхозугодьях» и подзаголовком: «Находка на миллион» – последняя запись Линкольна, сделанная за две недели до исчезновения. Хелен провела пальцами по диску в том месте, где должна была остановиться рука брата, когда он писал название.

Запись начиналась с журчания воды поодаль от микрофона; оно продолжалось, пока на семнадцатой секунде его не прервал звук, похожий на мычание – как будто животное. Вскоре звук повторился, и на этот раз Хелен показалось, что стонет человек. Хотя для человека звук был слишком глубоким – тут потребовалась бы грудь пошире. «Может, корова или бык?»

Новый стон тянулся, пока его не прервало внезапное «гав». Слово некое существо (не человек, но, может, дикий

зверь или скотина) пришло, привлеченное водой, и издавало эти звуки.

Хелен переиграла отрывок, но так и не поняла, человек это или животное. Прежде чем она успела все обдумать, издалека, из-за звуков воды, снова раздался плач ребенка, но на этот раз его заглушило нечто, похожее на хрюканье, на переднем плане, около микрофона.

За ним последовал рев, исторгнутый сильным, мускулистым горлом, – Хелен снова представила себе быка.

Детский плач приближался к микрофону. «Наверно, какое-то животное изображает ребенка».

Влажный хрип из глубин горла.

Гневное кошачье шипение.

Неясно, кто попал на запись Линкольна, но он очень сердился.

Шипение повторилось. «Гигантская кошка?»

Раскатистый рык из огромного живота.

«Лисица? Барсук?» Но Хелен не представляла, как эти звери могут издавать подобные звуки, даже если очень взволнованы. С другой стороны, откуда ей знать – она же не эксперт по дикой природе.

Рык прекратился, и наступила тишина. Она принесла женщине куда большее облегчение, чем та готова была признать.

Возможно, она просто попала на розыгрыш покойного брата. Но эти звуки были последним, что Линкольн записал

перед тем, как прыгнуть с моста, и теперь она чувствовала едва уловимую связь между собой и его неясными, беспокойными мыслями, затуманенными наркотиками. Линкольн и жуткие аудиозаписи внезапно слились в одно, будто все его эксперименты с собственной жизнью всегда осеняла тень неизбежного рока.

Запись приближалась к концу, но спокойнее Хелен не становилось. Недалеко от микрофона раздались новые звуки – животных было много и они очень боялись. Утробный рев перерос в пронзительное мучительное бляение, будто от страшных гигантских ягнят.

И одновременно Хелен определенно различала рык и поскуливание то ли собаки, то ли лисы, хотя подобный диапазон голоса вряд ли мог принадлежать настолько маленькому существу.

Какофонические звуки нарастали вместе с ее уверенностью, что исходить из человеческих глоток они не могли. Слушая этот отрывок, Хелен без труда представляла себе, как могучие звериные фигуры носятся и дерутся в темноте, учуяв на оборудовании в пещере запах пришельца-человека.

Хелен уже хотела сбавить звук, но услышала взвизг, похожий на свинной, и после рык из-за сжатых челюстей – больших челюстей. Теперь ей представилась оскаленная пасть с трясущимися черными губами, бесцветные и противно влажные десны и желто-коричневые зубы. Ей стало не по себе.

Хелен вспомнились питбули, таскавшие за собой по местному парку идиотов-подростков с района. Стоило увидеть этих собак, как она тут же подхватывала Вальду на руки, а малолетние спутники зверюг только кричали: «Да не бойтесь, они любят детей!» Возможно, в далеком Девоне ее брат записал рычание дикой или бешеной собаки?

Но ведь там люди проводили отпуска, держали загородные дома и фургончики, готовили мороженое... Ей было бы легче принять эти звуки, будь они из Экваториальной Африки, чем то, что они появились там, где появились на самом деле, – в Девоне. Записи Линкольна до абсурда расходились с тем, что она знала о тех местах, – хотя, стоит признать, знала Хелен немного.

Среди попури гортанных звуков без предупреждения раздался пронзительный... смех.

Хелен вздрогнула.

Звук напоминал несвязное лепетание сумасшедшего или вопль экзотического животного – он только создавал иллюзию произносимых слов. Конечно, Хелен не могла быть уверена, но шум все больше напоминал об обезьянах, а в криках слышалось все больше веселья, слишком злого для существа, не обладающего разумом человека.

К счастью, постепенно «смех» затих и в наушниках осталось только журчание воды. Запись перешла в белый шум. Хелен знала, что больше никогда не включит ни эту запись, ни любые другие диски из коробки Линкольна.

Она вышла из комнаты, пересекла лестничную площадку, села в дверях комнаты Вальды и стала следить за спящей дочерью.

Две недели спустя

«Ты ведь здесь проходил, братик? И здесь, и тут? Здесь ступали твои потертые ботинки? Этим видом ты наслаждался, присев на корточки? Этот морской ветерок шевелил твои рыжие волосы?»

С помощью Google Maps, путеводителя для пеших туристов и надписей на дисках Хелен смогла определить заливы и бухты, где брат записывал свои странные файлы, и уже на рассвете отыскала первые два места.

Каждая из этих непримечательных бухт располагалась возле Диллмутского залива, где остановилась Хелен, и в каждой пещере между морем и окруженными лесом обрывами нашлось предостаточно трещин и расщелин – должно быть, в некоторых из них микрофоны Линкольна и записали вздохи, ворчанье и перезвон ручьев, спрятанных в толще земли.

Затем следовало место предпоследней записи – Уэйл-эм-Пойнт; между ним и Хелен лежало добрых одиннадцать километров езды. Там путь вел от берега к окрестностям одной фермы у Редстоун-Кросс, где Линкольн услышал жуткие вопли животных, оставшиеся в последнем файле SonicGeo. Эти два места – странные памятники последнему лету, когда улыбка Линкольна еще освещала эту жизнь, – Хелен собира-

лась навестить последними.

Ее интересовали только места, которые брат перед своим концом посчитал важными (за исключением моста у Бристоля – его Хелен точно не хотела видеть). За десять месяцев до Брикбера Линкольн исследовал Дартмур, но на это у нее не было времени: именно здесь, в своей палатке, среди этих скал ее братик в свои последние несколько недель казался счастливым и полным воодушевления.

Однако его внутренний мир в те дни оставался для Хелен таким же непроницаемым, как тьма в пещерах, где Линкольн лазил в одиночестве; таким же загадочным, как странные подземные песни, призвавшие его сюда.

Его сестра приехала сюда, чтобы наконец-то лучше понять брата и разгадать, что же вызвало у него такой энтузиазм, но в первую очередь – чтобы сделать то, что не смогла шесть лет назад: попрощаться.

Все, что Хелен могла ему дать, – четыре дня на побережье, два из которых уйдут на дорогу между Девонем и Уолсаллом. Каждый час был на счету, и она пустилась в путь очень рано, морально подготовившись: день предстоял эмоциональный. Впереди лежала пустая прибрежная дорога, за что Хелен благодарила высшие силы, не желая, чтобы кто-нибудь увидел, как она говорит сама с собой или плачет. Дома плакать нельзя было из-за Вальды, с которой она последние шесть лет не расставалась ни на день.

От Диллмута Хелен шла пешком, удивляясь, как изме-

нилась местность и насколько труднее стало по ней передвигаться. Между двумя бухтами лежало около девятнадцати километров, но, если бы кто-то показал ей две фотографии побережья – одну из окрестностей Диллмута, другую из окрестностей Брикбера, – сказав, что это фото из двух разных стран, Хелен поверила бы.

Землю вокруг забитой яхтами миллионеров Диллмутской бухты укрывала зеленая мягкая мантия елового леса. Она напоминала одновременно Швейцарию и тропики – сосновые рощи рядом с пышными пальмами в частных садах. Город, встроенный в холмы и обрывы и украшенный огромными красивыми домами, оплетал просторное сверкающее устье с пляжем цвета тростникового сахара. Там под особняками миллионеров стояли навывтяжку их пришвартованные яхты, будто королевский кавалерийский полк с белоснежными блестящими копьями наготове. Поэтому Хелен и решила там остановиться.

С первого же взгляда бухта очаровывала ее; при мысли о том, в какой роскоши живут местные обитатели, она сперва почувствовала себя почтенной, а потом – лишней. Она размышляла, не видел ли кто-то с этих яхт, скользящих вдоль побережья, как в одной из долин тонкие нейлоновые стенки маленькой палатки Линкольна дрожат под теми же ветрами, что теперь нападают на его сестру?

Последний путь Линкольна вел его – а теперь и ее – мимо Диллмута, то вверх, то вниз по гористому «ошейнику»

фермерской земли над зазубренным берегом. Здесь на километры вокруг не встречалось человеческого жилья, не считая горстки ферм и одного дома Земельного фонда. Над морем, будто курганы забытых богов, возвышались непрерывные холмы.

Побитую ветром землю покрывали длинная и грубая трава, похожая на пшеницу, да ломкий красный вереск. Кругом бродили черные овцы и маленькие стада таких же черных пони. Колючие кустарники и черные деревья разделяли территорию на лоскуты, словно одеяло; ручьи выливались из долин на свинцовые пески; грубые лица черных вулканических скал мрачно смотрели в пустые выемки бухт, куда надо было спускаться на канате.

Хелен давно миновала Диллмут с его яхтами и огромными белоснежными особняками, и даже вода под ее ботинками у прибрежной тропы казалась непригодной для плавания. Когда туча с пустошей поплыла на запад, море сменило цвет с бирюзового, будто ацтекские украшения, на сланцевый.

Хелен шла мимо двух гончарных печей, обвитых плющом, мимо установки для цемент-пушки времен Второй мировой, мимо заброшенной сидровой фабрики – они все лежали в руинах. Земля была старой, исполосованной шрамами и травмами, зато теперь ее никто не трогал.

На полдороге между двумя бухтами, когда Хелен приближалась к Уэйлэм-Пойнту, ее охватило такое чувство одиночества перед бескрайним небом и морем, что она ощутила

приступы паники.

Как только брат выдерживал? Он здесь неделями оставался один. Или кто-то был с ним в этих далеких краях? Но кто? Уж точно не Вики, с которой Линкольн находился в долгих и сложных отношениях. Эта молодая, мрачная, ревнивая женщина с круглым лицом на его похоронах явно все время беспокоилась только о том, как выглядит. Хелен не могла не задуматься, как мало доброты ее брат при жизни видел от женщин – в том числе от нее.

Сама она торопилась повзрослеть и покинуть дом: Хелен подгоняло тщеславие и постепенно растущий стыд своего происхождения. Однако ничего не получалось: куда бы она ни пыталась пристроиться, ей нигде не находилось места. Возможностей попадалось мало, зарплаты были низкими, а любовники – либо инфантильными, либо ей не подходили. Наконец Хелен утомилась, вернулась домой, на какое-то время сошлась со старым бойфрендом Митчем, который всегда хорошо с ней обращался... и забеременела – не прошло и двух месяцев. Теперь Митч жил в Австралии, едва общался с Хелен, не считая банковских переводов, и не проявлял никакого интереса к Вальде.

Хелен поднималась по склону к далекой скамейке у края обрыва, параллельно размышляя над тем, почему внешнее впечатление, производимое Линкольном, так не сочеталось с его смертью? Если верить матери, маска беззаботности, которую брат надел в подростковом возрасте, не покидала его

лица до самого конца. «Расслабленный малый» – так обычно его все описывали. Он смотрел с оптимизмом даже в будущее, невзирая на все доказательства, что ничему хорошему там места не было. Это не давало Хелен покоя. Ее брат родился хиппи, вот только ошибся десятилетием. «Но покончить с собой...»

Оказавшись на вершине, она еле дышала; однако на короткий, но живой миг брат заполнил все ее существо, будто сам его дух требовал внимания сестры. Мимолетное присутствие Линкольна, которое она не успела ощутить в полной мере, тут же прошло, словно завораживающий сон, который, проснувшись, Хелен никак не могла вернуть.

Уставшая, готовая заплакать, она присела на деревянную скамейку над Слэгкомб-Сэндз. На той стороне пляжа возделвал покрытую мхом лапу Уэйлэм-Пойнт; чайки кружили вокруг известняковой громады, будто мусор на ветру.

Где-то там Линкольн записал странные звуки дудки и детского плача, а затем, дальше от берега, среди голых холмов (Хелен перевела на них взгляд) – жуткие крики животных, дерущихся в старом карьере.

Одного слабого отзвука тех страшных воплей хватило, чтобы Хелен захотелось не быть одной. Вдруг она поняла, что обрадовалась бы любому пешеходу, хотя бы вдали.

И где же знаменитое место раскопок – набитая костями пещера, открытая через год после гибели Линкольна? Побережье не выглядело популярным – никаких знаков или таб-

личек. Хелен не удивляло, что пещеру нашли относительно недавно: местность не отличалась привлекательностью для туристов или безопасностью для пешеходов.

Под самыми пальцами ног Хелен виднелась далекая бухта, при взгляде на которую начинала кружиться голова. От неприятных бескрайних морских и небесных просторов ей чуть не захотелось шагнуть вперед, через край. Здесь даже сила тяготения казалась другой: она то и дело менялась вместе с порывами ветра, от которых Хелен едва удерживалась на ногах.

У Линкольна, по его собственным словам, головокружение начиналось, стоило едва взглянуть снизу вверх на высокое здание; однако о мостах он ничего не говорил ни матери, ни сестре. Способ, которым он предпочел закончить свою жизнь, был совершенно бессмысленным и настолько невероятным, что Хелен никак не могла признать смерть брата. Линкольн просто не мог совершить самоубийство, еще и таким способом. «Но разве мы знаем хоть кого-то по-настоящему?»

Хелен встала со скамейки. Ее ноги затекли, от мыслей становилось тесно даже в таком открытом незахламленном пространстве. Хелен много лет плавала и находилась в хорошей физической форме, но здесь энергия ее покидала. Скала удерживала запоздалый зимний холод, и на такой высоте он кусался еще сильнее.

Хелен опустила взгляд на Слэгкомб-Сэндз – неудобный бе-

рег, обрамленный папоротниками, и болото, заросшее чем-то, похожим на выцветшую пшеницу. «Там плакал ребенок». «Слэгкомб-Сэндз. Внутри расщелины в скалах Уэйлэм-Пойнта». У подножия кривой шпоры Уэйлэм-Пойнта Хелен разглядела темные впадины и щели – может быть, Линкольн установил микрофоны там. Наверное, он прятал свои устройства в одной из этих пещер при отливе, а ветер хлестал по голове, и грохот волн оглушал... Уважение старшей сестренки к брату выросло в десять раз.

И тут из самой земли и воды хлынул пронзительный свет. Не теплые золотистые лучи, не мягкий прибрежный свет в Торбее, через который Хелен ехала до гостевого дома в Диллмуте, не жесткий свет севера, который она помнила с учебы в Ланкашире, – этот свет имел бело-серебристый оттенок олова, будто проход в другой мир или другое время. Пронзив балдахин из туч, солнечные шипы врезались в грязное, серое море, и там, в эпицентре, где они были ярче всего, напоминали свет от сварки, на который невозможно смотреть невооруженным глазом.

Значит, здесь жили и волшебство, и красота – невзирая на все свои печали, Хелен смогла это признать. Не идиллическая красота, но дикая, необработанная, внушающая восторг – и Линкольн сказал то же самое: «восторг». Именно тут ему удалось найти нечто необычайное.

Появившись на краткий миг, серебристая вспышка, озарившая море, скрылась за тучей.

Ветер и небо здесь постоянно меняли всё: цвета, температуру, освещение и оценку самой Хелен того, сколько она прошла и сколько еще оставалось.

Отдохнув от подъема, совершенного только что, она спустилась на берег.

* * *

– Нет, здесь пройти нельзя. Тут почти все время университетские копают и не хотят, чтоб кто-то прихватывал сувениры. Извините, но пропустить не могу. – На грузном охраннике была желтая куртка, настолько яркая, что его мрачное, скучающее лицо сильно с ней контрастировало. Спасаясь от холода, он сидел в передвижном вагончике у входа в загон над пещерами.

– Вам придется обойти – по той дорожке вверх, потом вниз, вдоль вон той стороны – во-о-он той, забор видите? Там снова начнется прибрежная тропа. Ну, или идите по нашей дороге до Брикбера – других выходов нету.

Хелен не стала задерживаться – ей не понравилась чересчур фамильярная ухмылка, с которой охранник ее разглядывал, и она ушла, прежде чем его внимание приобрело ненужный характер. Но, прежде чем уйти, она выяснила, что раскопки велись на северной стороне Уэйлэм-Пойнта – пещера лежала среди обрывов и с той дороги, которой следовала Хелен, была не видна.

В Интернете она видела фото, на которых археологи спускались в пещеры по канатам, лестницам или, при отливе, с моря – каждый местный сайт включал ссылку на эти раскопки. К удивлению Хелен, раскопки не заканчивались уже пятый год, а археологи до сих пор что-то находили в самых глубоких известняковых тайниках. В то время в Эксетере шла очередная выставка: она должна была продлиться месяц, после чего вновь найденные артефакты отправятся в тур по всей стране. Хелен собиралась пойти завтра, если найдет время – может, ранним утром, а потом сразу домой.

Однако, когда она оказалась у охранного ограждения, больше всего (так, что Хелен замерла на месте) ее удивило, как близко палатка Линкольна стояла от места раскопок в Брикбере. Две свои последние недели на этой земле ее брат, собирая записи, расставлял микрофоны там, где теперь шли исследования; все те летние месяцы шесть лет назад ее младший братишка записывал звуки близ Уэйлэм-Пойнта – по другую сторону от места, где сейчас археологи раскапывали землю и находили столько костей, спрятанных давным-давно. Если бы только Линкольн вернулся следующей зимой, когда обвалилась скала, он мог бы найти пещеру – и тогда его жизнь пошла бы совсем иначе.

Ему всегда так не везло. Но из-за близости брата к такому важному историческому открытию его смерть в глазах Хелен приобрела странную важность. Рядом с «прыжком с моста» появился новый, альтернативный некролог.

Хелен двинулась от раскопок внутрь острова, следуя тропой брата. Та вела к месту последней записи, лежавшему почти за пять километров отсюда. Там и закончится первый тайм путешествия сестры.

Следуя указаниям GPS, она шла по грунтовым дорогам, имевшим цвет засохшей крови. Дороги эти вели через холмы, где, судя по богатым россыпям помета вокруг ботинок Хелен, часто паслась скотина.

Когда-то в девятнадцатом веке здесь в карьерах что-то добывали – как гласил путеводитель, камень, из которого извлекали некий пигмент для производства красок. Должно быть, в одном из заброшенных карьеров Линкольн и записал звериные вопли.

* * *

Псина снова и снова подскакивала, без труда становясь на задние лапы и заглядывая красными глазами в глаза Хелен.

Та закрывала руками горло, выставив локти вперед, и жалобно вскрикивала, чем только больше раззадоривала лающую собаку. Своим печеночным окрасом поджарое животное напоминало добермана, но добермана таких размеров Хелен никогда не видела. Собака продолжала наступать, отесняя женщину к ограде, – даже когда зверь стоял на четырех лапах, голова его все равно была выше пояса Хелен. Женщина извернулась, защищая не прикрытые одеждой ме-

ста от клыков, на которых слюна шла пеной, но псиная тут же появилась с другой стороны и снова, не зная усталости, настойчиво прыгнула вверх.

С трудом различая что-либо из-за паники, Хелен заметила, как с подъездной дорожки, мимо которой она только что шла, бежит кто-то в синем. Она помнила, что перед заброшенным домом стоял белый фургон с открытым капотом.

– Кент! Кент! – крикнул мужской голос, и Хелен не сразу поняла, что тот выкрикивает не название графства в Англии, а кличку того пса, что лаял ей в лицо. Пес на зов не ответил, а продолжал прыгать все выше и выше, и точно так же росло его возбуждение.

Лопатки Хелен прижались к каменной стене, а голова совсем скрылась под свисающими глициниями.

Из-за цветочной ширмы ей удалось лучше рассмотреть человека в грязном, расстегнутом спереди комбинезоне, под которым был рваный растянутый красный свитер. К Хелен приблизилось бородатое лицо, глаза на котором выглядели как-то странно, но разглядеть их не удалось, потому что псиная тут же щелкнула зубами за сантиметр от носа женщины, перекусив стебли. Хелен упала на корточки, закрывая голову руками.

Хозяин, шлепая грязными ботинками по асфальту, стертому в жижу, залитую алыми лужами, оттащил заливающегося лаем пса – к ошейнику крепилась цепь.

Вытянувшись вверх на задних лапах, пес был одного ро-

ста с хозяином, вся сила которого уходила на то, чтобы удерживать его, точно непокорного скакуна; животное же покачивалось, будто кенгуру, задыхалось и лаяло.

Хелен завизжала – от подъездной дорожки появились еще две собаки той же породы. Они, пригнувшись, кинулись к ногам женщины, но, подбежав вплотную, остановились, будто улыбаясь ее страданиям. К счастью, они виляли хвостами.

Вслед за ними следовала худощавая женщина, одетая в такой же комбинезон, вплоть до колен блестящий масляными пятнами. На первый взгляд хрупкая незнакомка с ее растрепанными светлыми волосами показалась совсем юной, но чем ближе она подходила, тем старше становилась; наконец на ее лице стали видны глубокие морщины вокруг глаз и носа и густые веснушки. «Много времени на солнце». По-эльфийски тонкое и изящное лицо женщины по-прежнему оставалось красивым, однако ей было никак не меньше пятидесяти.

– Кент! – снова крикнул мужчина на пса, а потом: – Частная дорога! – на Хелен. Две поджарые псины подбежали к женщине в комбинезоне и принялись, точно водоворот, виться вокруг ее ботинок. Незнакомка приблизилась к Хелен и остановилась, заслоняя собой дорогу впереди.

Бородатый мужчина, удерживая собаку на короткой цепи, встал поближе к женщине, плечом к плечу. Они находились в неприятной близости к Хелен, и их присутствие тревожило не меньше гигантских псов.

Теперь Хелен могла разглядеть бородача как следует: он, по-видимому, был слеп на один глаз, который рассекал шрам цвета устриц. Склера вокруг шрама имела серый цвет, о бывшем взгляде напоминала только бледно-голубая радужка, а сам глаз смотрел вниз, будто от стыда. Кожа вокруг бороды и под ней казалась воспаленной, а в самой бороде застряли хлопья отмершей кожи; на небольшом красном черепе оставалось лишь несколько нитей тонких волос, собранных на затылке в жидкий хвост. Похоже, мужчина страдал псориазом, а гнев только сильнее воспалил и его кожу, и его самого:

– Частная дорога! Частная дорога! Частная дорога! – орал он на Хелен. Та заморгала от брызг слюны, попавших в глаза. Он был хуже, чем его собака. – Как ты, ..., вообще сюда залезла?!

Женщина в комбинезоне, выражение на лице которой от испуга смягчилось до жалости, тронула его за руку. Бородач затих и отступил, а его спутница негромко спросила:

– Что вам нужно? – в голосе слышалось сочувствие, но взгляд оставался холодным. Контраст не меньший, чем между произношением этих людей и всем остальным: даже когда они орали, было ясно, что они – из верхов среднего класса. Мажорная речь странно диссонировала с грязной неряшливой внешностью и полуразвалившимися зданиями фермы, которые показались Хелен вообще заброшенными.

– Читать не умеешь? – мужчина указал в направлении, откуда Хелен только что пришла – не больше пятидесяти мет-

ров, – но хрупкая женщина перехватила его взгляд со словами:

– Должно быть, ворота оставили открытыми, и она не увидела знак.

– Ричи! Вот debil! – мужчина плюнул на женщину рядом. – Сколько раз ему говорили, закрывай эти долбаные ворота!

Хелен не разглядела никаких ворот, не говоря уже о знаках – изгородь так заросла, что путница и не смотрела по сторонам дороги. Чтобы дойти до перекрестка, ей пришлось подниматься через рощу, после чего Хелен так обрадовалась дороге, что просто пошла на юг – туда, где, как она думала, будет карьер, – решив, что находится на дороге общего пользования.

– Ты кто вообще такая? Что ты тут делаешь? – бородач сбавил громкость, но злость не покидала его голоса, придавая тому противный оттенок. Выпрямившись, Хелен вышла из зарослей глициний и вынула из кармана путеводитель:

– Я шла – просто шла. Я не знала... думала, что дорога ведет к карьеру.

Дознаватели переглянулись и посмотрели на путеводитель. Женщина, не спрашивая разрешения, выхватила его из руки Хелен, посмотрела на страницу, отмеченную стикером, затем показала страницу мужчине. Тот уставился на Хелен, будто поймал ее за воровством.

– Я просто хотела посмотреть на старый карьер.

– Просто посмотреть нельзя! Это частная территория!

Женщина в комбинезоне заставила себя улыбнуться сжатыми губами, хотя улыбка вышла вымученной. Снова коснувшись локтя мужчины, будто устав от его тирад, она сказала Хелен:

– Там ничего не осталось – только печь для обжига, и ту наполовину снесли, а оставшееся заросло. На земле – большие шрамы, но их видно только с воздуха, и публику туда не пускают.

– Простите, я не знала – я просто шла. Я не знала, простите. Дорога не похожа на частную.

– Откуда вы пришли? – спросила женщина, не сводя твердого взгляда с Хелен. Той пришлось задуматься – она была так взволнована, что ей показалось, ее уже спрашивали откуда. Хелен начала говорить: «Из Уолсолла...», но тут же исправилась:

– С прибрежной тропы. Я туристка, поселилась в Диллмуте. Просто хотела посмотреть на карьер, а потом пешком обратно.

Услышав это, двое незнакомцев как будто расслабились, поняв, что перед ними – всего лишь безвредная дурочка. Однако, стоило Хелен увидеть за спутанной бородой мужчины ухмылку, как ее облегчение вскипело, обратившись в ярость:

– И надо было все это устраивать? Я что, черт возьми, похожа на воровку? Господи, да кто угодно мог ошибиться! Тропа от Уэйлэм-Пойнта ведет сюда, и в путеводителе ска-

зано, что тут карьер – Редстоун-Кросс! – она хотела добавить: «Такое постоянно случается!», но вдруг поняла, что действительно случается: иначе бы ее не встретили так холодно.

Мужчина отпустил собаку.

Хелен ахнула и содрогнулась.

Псина бросилась к двум своим собратам. Однако ее хозяин явно получил удовольствие от того, как ужас снова охватил незваную гостью. Женщина в комбинезоне, чтобы скрыть улыбку, склонилась к карте Хелен:

– Пешеходная дорога, по которой вы шли от Уэйлэма – старая, зеленая такая, – и есть настоящая тропа. Но этот путь – частный и всегда был частным. Не надо было оставлять ворота открытыми.

– Там, – мужчина, как сурок, дернул маленькой головой, кивая назад, – ничего нет. Ничего.

Дальше по дороге перед одним из развалившихся деревянных строений появились еще двое мужчин в плащах и резиновых сапогах. Они остановились, наблюдая издалека. Незнакомка коснулась руки Хелен, привлекая внимание той:

– Вот две общественные дороги – одна ведет на север, в Брикбер: по ней ходят к раскопкам. Другая – на запад, но до самого Диллмута там ничего нет. Видите, вот тут? Если бы вы пошли дальше по этой дороге, вам пришлось бы идти пешком до Диллмута долго-долго, в потемках. Понимаете? Мы оказали вам услугу.

– Еще какую услугу! – добавил мужчина, но, видимо решив не разоряться дальше, переключил внимание на собак.

– Понимаю, – ответила Хелен. Шок отступал, и теперь она чувствовала себя неуместной и пристыженной – незванным чужаком, пугавшим овец и не закрывавшим за собой ворота на чужой территории. Она сама не знала, вторгалась ли когда-нибудь на частную собственность, зато это наверняка делал Линкольн, чтобы записать последний аудиофайл. Он либо прошел по этой частной дороге дальше, либо дошел до карьера через бахрому роши под этой фермой, вокруг которой вела часть пути Хелен. Вспомнив невзрачный перекресток, она теперь понимала, что пешеходы должны были либо идти прямо, либо свернуть направо, а не налево, как она.

Хелен чуть не упомянула брата, но ей не хотелось делиться с недружелюбными незнакомцами, на чью частную дорогу она залезла, историей о том, как Линкольн проходил здесь за неделю до самоубийства.

Через плечи своих собеседников она взглянула на несколько жалкого вида зданий вдали – покосившиеся строения из темной древесины и серых камней, одна из дверей зеленая от плесени и проседает. Из-под навеса у одного из домов на Хелен смотрела черная баранья морда.

– Вам, пожалуй, пора, – сказала женщина, проследив за взглядом Хелен. – Советую вернуться той же дорогой, какой пришли. Или дойти до Брикбера и сесть на автобус.

Кивнув, Хелен быстро поблагодарила ее за помощь и по-

торопилась прочь. Возвращаясь той же дорогой, она взглянула на дом, мимо которого уже проходила, – это здание словно перенесли без изменений с глубокого Юга Америки: краска на крыльце облезала, окна прятались за ставнями, на веревке – забытое белье, несколько дней и ночей спустя высохшее окончательно, по заросшему газону разбросаны многочисленные запчасти. Когда Хелен проходила мимо в первый раз, дом показался ей зловещим, но не лишенным странного очарования.

Выходя, она заметила створку ворот и обратную сторону белого знака, привинченного к металлической балке: они скрывались глубоко в зарослях, потому что ворота открыли для автомобиля.

Хелен сунула дрожащие руки в карманы. Ей все больше и больше не терпелось вернуться на прибрежную тропу – она была уже готова побежать вниз по долине. Встреча чуть не испортила весь день, и дикая земля, по которой она шла с самого рассвета, внезапно проявила неприятную связь с жуткими звуками на записях Линкольна.

Но вновь обретенное уважение к брату и его отваге только выросло. Он целыми неделями жил на природе в палатке, рядом с этими грубиянами; Хелен не могла не задуматься, встретился ли Линкольн с этими больными на голову мажорами и их страшными собаками. Может, эти псы и унюхали микрофоны?

«Может быть, псы издавали те звуки?»

Прежде чем встать на зеленую тропу до Уэйлэма, Хелен оглянулась – злобного бородача и псов больше не было, но хрупкая женщина по-прежнему оставалась на тропе и следила, как Хелен уходит.

Первым признаком, что что-то не так, оказалось долгое время, потребовавшееся хозяину, чтобы отпереть парадную дверь. Когда задвижка наконец поддалась, из дверной щели выглянуло морщинистое лицо, пара выцветших голубых глаз на котором осмотрела улицу.

Онемев от неловкости, Кэт решила, что постучалась не в тот дом. Вдоль этой улочки, примыкавшей к главной улице Редхилла, тянулся ряд из четырех дверей: все они были выкрашены в коричневый и вели в дома с одинаковыми фасадами из серого камня.

Кэтрин проверила номер на двери – 4. Нет, дом тот. Может, это какой-то пожилой родственник Мэтта Халла встретил ее на пороге?

Дверь открылась.

– Привет, Кэтрин. Рад видеть, – тихо произнес старичок на пороге, и только тут она узнала парапланериста.

Два года назад, когда открытие пещеры в Брикбере потрясло весь мир, Кэт брала у Мэтта интервью на первой выставке, посвященной находке: именно Мэтт Халл за два года до этой выставки посветил телефоном в расщелину на скале и нашел пещеру, полную доисторических артефактов. Тогда просторная и малонаселенная деревня, разбросанная вдоль побережья Девоншира, привлекла взгляды мира, которые на

несколько недель задержались и на Мэтте – он проснулся знаменитым.

Сейчас, два года спустя после интервью, внешность Мэтта Халла поразила журналистку. Крошечный человек на пороге будто перенес тяжелую болезнь, от которой исхудал и покрылся морщинами, так что кожа на лице обвисла. Кэтрин запомнила его небольшим, худощавым и мускулистым, но теперь рукава рубашки свободно висели на руках-палочках, а рубашка над ремнем стала слишком просторной.

Кэт помнила Мэтта типичным представителем местного рабочего класса. Он тепло улыбался – физический труд, несчастья, развод и потрясение от разрушенной семьи сделали его суровее, но не лишили доброты. Женщину впечатляли его стойкость и неброская мудрость: он бесконечно любил сына и сумел вовремя принять разрыв с женой, чтобы подавить собственную злобу в зародыше.

А еще Мэтт умел рисовать красками и делать прекрасную мебель из остатков материалов, добытых в местных рощах. Было у него, мужчины за тридцать, и другое хобби – парапланеризм: с самого начала Мэтт в разговоре с Кэтрин описал себя как человека, которому в небе лучше, чем на земле. Сохранив эти радостные воспоминания, Кэтрин с удовольствием ждала сегодняшнего с ним разговора.

Теперь у нее складывалось совершенно другое впечатление. И деревня, где жил Мэтт, изменилась не меньше его самого, хотя совершенно по-другому.

С того самого интервью Кэт не бывала в Редхилле – ближайшем поселении к месту раскопок в Брикбере, – и удивилась его возрождению.

Деревня состояла из главной улицы и примыкающих к ней пяти улиц поменьше: удаляясь, они истончались, пока окончательно не терялись среди фермерских земель. Но за это время в Редхилле появились продуктовый магазин и паб, три дома переделали в отели, ближайшее поле наводнили дома на колесах, палатки и туристические хижины. По узким улочкам неровными рядами ползли гоночные машины, на голой красной земле вокруг окраин несколько больших скелетов частных домов постепенно обрастали «плотью», а в просторных садах копали бассейны для плавания. Вот какого процветания достигла умирающая деревня благодаря открытию Мэтта Халла, но согбенный человек на пороге, по видимому, единственный в Редхилле двигался в противоположном направлении.

Кэт осторожно опустилась в мягкое кресло, стоявшее в маленькой гостиной, выходящей прямо на улицу. Она действовала так осторожно, будто пришла к пациенту в больницу, и, чтобы наладить беседу, согласилась, когда Мэтт предложил напитки. Однако кружка прибыла не сразу, и при внимательном изучении в растворимом кофе не оказалось молока, зато обнаружилось несколько ложек сахара. Кэтрин тем временем попросила чай с молоком без сахара.

Через дверь между гостиной и кухней она смотрела, как

хозяин дома готовит напитки, рассыпая сахар трясущими-ся, неловкими руками. Должно быть, мучительные мысли сурово остругали душу внутри этой изможденной оболочки. Кэт сама страдала от депрессии и тревожного расстройства и позволила себе предположить то же самое у Мэтта: она слишком хорошо знала, что такое упадок сил и переутомление, когда простые движения требуют болезненных усилий.

Вскоре ее взгляд встретил пару тусклых и утомленных глаз, таких тяжелых, что, казалось, глазницы с трудом их удерживали. Свет во взгляде Мэтта погас, раздавленный той же силой, что душила разум за этими глазами. Постаревшее лицо казалось пустым – внимание его владельца было направлено то ли за пределы комнаты, то ли внутрь собственной головы. Когда Мэтт сел, его колени и руки продолжали жестоко трястись, будто от Паркинсона; пальцы успокоились, только пока хозяин дома скручивал сигарету.

– Все еще летаете? – спросила Кэт.

– Бросил. Больше не хочется... – Его лицо при этих словах передернуло так, что глаз чуть не закрылся.

– Но, надеюсь, вы все так же делаете прекрасную мебель? – продолжала Кэтрин радостным голосом. – Я до сих пор вспоминаю тот стол, сделанный вами из рябины, – было бы дома место, с руками бы оторвала!

Мэтт попытался улыбнуться, что далось ему с очень большим трудом. Кэт не знала, стоит ли спрашивать про сына – возможно, причина нынешнего состояния ее собеседника

лежала в семейных разногласиях. В первом интервью Мэтт Халл если и распространялся про личную жизнь, то почти исключительно – про сына. Но Кэтрин не смогла придумать, что еще сказать, и, когда нервы не выдержали, спросила:

– Как поживает ваш сын?

– Колин? Хорошо, да, – при упоминании ребенка Мэтт немного успокоился. – Здорово играет в регби – собирается представлять наше графство перед Колтс. Еще очень любит ходить под парусом.

– Здорово! Должно быть, вам друг с другом интересно.

– Я здесь только ради мальчика. – Он снова начал трястись. – Он с мамой в Брикбере – хочу быть как можно ближе.

Мысли стремительно улетучивались из головы Кэт, и она поерзала, чтобы встряхнуться и сосредоточиться. Увидев это, Мэтт добавил:

– Не могу больше говорить об *этом*. Во всяком случае, так, как мы говорили, – подняв печальный взор от сигареты, он пояснил: – Пещеры. Стараюсь не думать о них, хотя, честно сказать, не очень получается. Однако надо забыть, хотя бы попробовать. Уже четыре года прошло. Самое главное для меня – Колин.

– Конечно, – но, если говорить о пещере он не собирался, Кэт не имела понятия, почему Мэтт согласился на ее просьбу о продолжении первого интервью. Она делала репортаж о второй выставке в музее Эксетера с находками из второй

фазы раскопок. Почти весь он состоял из фотографий, но в журнале оставалось место для нескольких комментариев. Хватило бы телефонного разговора с человеком, открывшим пещеру, – теперь Мэтт Халл был в лучшем случае примечанием в ее истории, и его имя упоминалось редко. Но, когда Кэтрин позвонила, он настоял, чтобы они встретились у него дома.

– Хочу только сказать: жалко, что я их нашел.

Кэт напряглась. Ее неловкость росла параллельно тому, как остывал отвратительный кофе в руке.

– Ваши слова очень удивляют меня, Мэтт, – с трудом подобрала она ответ, готовясь к рассказу о том, как находка принесла ему сплошные горести.

– Пару лет назад я и сам не поверил бы своим словам.

– Что же изменилось? Скажите.

– Можно не записывать?

– Как скажете. Мне нужна была только пара слов от очевидца тех лет – чтобы продемонстрировать, как много пещера сделала для региона и его экономики за два года. Должна признать, деревня так стремительно изменилась, что я немного растерянна, – теперь ее не узнать.

Мэтт кивнул с невеселой улыбкой, будто Кэт смотрела в самый корень дела, хотя она сама не представляла, где этот корень спрятан.

– В статье будет только про новые находки, – предложила она. – Насколько я понимаю, до вас долетали отголоски но-

востей о новых находках? Вот я и подумала, что вы захотите сказать хотя бы пару слов. Если бы вы там не пролетали, ничто из этих новых открытий не было бы возможно.

Мэтт снова уставился на тлеющий кончик сигареты. Улыбка исчезла в дыму, и лицо мужчины приобрело еще более нездоровый оттенок серого.

– Мэтт, вам нехорошо? Вы кажетесь... очень напряженным.

Его губы некоторое время шевелились, но слов не прозвучало.

– Хотите, в другое время поговорим?

Пытаясь собраться, Мэтт затянулся сигаретой, но рука продолжала дрожать:

– Во время первой выставки у меня брали интервью все местные газеты, каналы, радио и что угодно еще. И BBC, и Sky, и в США – по всему миру. На всех выставках в Соединенном Королевстве я был.

– Я знаю.

– Но тогда изо всех, кто со мной говорил, ты выделялась.

– Не уверена, что понимаю вас.

– Среди всех этих восторгов ты немного по-другому смотрела на все. На пещеру. Мне так показалось.

Кэтрин усердно попыталась вспомнить, что за сигналы она ему подала при первом интервью.

– Я неплохо разбираюсь в людях, и у тебя было дурное предчувствие из-за находок. Я помню еще, как ты сказала,

что приехала сюда в поисках новой жизни, подальше от большого города – Лондона, да? – Кэт кивнула. – Я чувствовал, что тебе там пришлось трудно. Мне кажется, люди, которым пришлось трудно, производят особенное впечатление, как я после разрыва с женой. От этого я и других стал чувствовать – их горе, понимаете? Ты говорила, что прошла через то же, что и я, – через плохие отношения. Ты не рассказала подробностей, но я все увидел в твоих глазах. От этого ты стала сильнее воспринимать... людей и ситуации, способные причинить еще больше вреда. Инстинкты стали острее, шестое чувство появилось. То же самое с полетами: если в скалах что-то не так, я сразу понимал, когда нужно опускаться. Просто чувствовал, и все.

Я нашел трещину очень много лет спустя после того, как пещеры забросили, но ты все равно заподозрила что-то неладное. Там произошло столько ужасного, пусть и много тысяч лет назад, но ты знала: нельзя просто глазеть или ковыряться в том, что там нашли. В пещерах оставалось что-то такое... не знаю. Сила. Как будто что-то не умерло.

Кэт снова заерзала, шумно сглотнула.

– Это место, там, у моря, – оно было для тех людей особенным. Ну знаешь, как... Стоунхендж, например. После того как я нашел череп и статуэтку, адреналин отхлынул, и я, как ни странно, тоже это понял. Не сразу, может даже через год, но для меня многое изменилось. И не перестает меняться. – Он часто моргал, но тут остановил на Кэт такой при-

стальный взгляд, что она кашлянула, пытаясь отвлечься.

Мэтт был не в себе, а его дальнейшие слова только подтвердили ее диагноз:

– Мои мысли с тех пор стали очень нездоровыми. Тогда все и началось. Раньше я никогда так не думал – можешь мне поверить. Я чувствовал себя странно, очень странно – здесь. Здесь все изменилось. И мне показалось, ты чувствовала то же самое – тебе не хотелось даже думать о том, что здесь откопали, я помню это, как сейчас. Все, что делали в том страшном темном месте, нужно было оставить под землей. И если будут копать дальше, станет только хуже.

Помнишь, мы разговорились о своих проблемах? В основном говорил я про сына, но ты упомянула про твоего бывшего. Мы будто все время избегали нашей главной темы – пещеры.

Необычное замечание, однако Мэтт был прав. Два года спустя после пресс-конференции в Плимуте Кэт не хотела писать о первой выставке и с удовольствием осталась бы в неведении насчет новых открытий, о новейшем цикле доисторического ужаса: если верить слухам и ранним новостям, за последние два года в пещерах Брикбера нашли свидетельства даже большего варварства, чем на первых уровнях. Но Кэтрин нуждалась в деньгах, Стив – в пополнении портфолио, а с редактором Шейлой, при всей ее учтивости, спорить не мог никто. Репортаж делала Кэт – так уж распорядилась судьба.

– У меня всё по-другому. – Мэтт затянулся сигаретой. – Я ведь местный. Я живу на одной земле с этими пещерами – сплю в нескольких километрах от них. Но и ты не так далеко живешь – а под землей сплошные длинные туннели. Как щупальца, тянутся.

– Туннели? – о них Кэт не слышала. Археологи нашли несколько альковов, примыкающих к первой пещере, и другое помещение, побольше, и все. Ей стало интересно, отчего Мэтт пришел к такому выводу:

– Мэтт, от всего, что там происходило, нас отделяют тысячелетия.

– Скажи это моим снам.

– Снам?

– Снам. Никак не отвяжутся. И моим настроениям.

– Не понимаю.

– Или не хочешь понимать. Я хотел рассказать тебе кое-что не для печати. То, что я сегодня говорю, не для новостей и прочего в журнале. Тебе все равно не дали бы это опубликовать – читатели подумают, я с ума сошел. Может, и схожу, но все равно хочу сказать это тебе – только тебе, потому что, мне кажется, ты поймешь. И для страховки.

«Проклятие Брикбера». Может, он запрограммировал себя на эту историю? Может, он считал, что близость к пещере повлияла на его разум? Кэтрин как профессионалу эти вопросы пришли в голову в первую очередь. Возможно, слова Мэтта даже придадут интересный колорит более известным

слухам о судьбе нескольких членов археологической команды, которые в начале раскопок очень много времени провели под землей; но для «Девон лайф энд стайл» все это не подходило. Шейла не переносила теорий заговора, оставляя их интернету и таблоидам, и наполняла глянецовые страницы «Лайф энд стайл», или «Л&С», видами побережья, обзорами ресторанов и призывами к сохранению местной природы. Репортажам о проклятиях там не было места – разве только уютным сказкам о привидениях: о даме в белом в башне какой-нибудь крепости. Все эти годы Шейла даже умудрялась вымарывать все упоминания каннибализма из статей о пещерах, ибо это не соответствовало тематике и настроению издания. В «Л&С» писали только об артефактах с резьбой, о костяных дудочках и первобытной музыке – обо всем, что могло бы привлечь обеспеченных туристов. На этот раз репортаж будет посвящен великолепной наскальной живописи, слухи о которой уже ходили по округе.

– Для страховки? – осторожно спросила Кэт. Мэтт кивнул:

– Никому больше я не могу это рассказать. Здесь уж точно не могу.

– Ни соседям, ни друзьям? – Кэт воздержалась от упоминания врачей. Мэтт Халл прочистил горло и повел вокруг головы дрожащей рукой:

– Трудно объяснить.

Кэт подумала, не стоит ли найти какой-нибудь предлог и

уйти, но в словах Мэтта, предназначенных ей – только ей, – звучала некая убежденность.

– У некоторых как будто маска, под которой они скрывают нечто в глубине души. Я не знаю что, могу только улавливать признаки. Ты, может, считаешь меня параноиком, но я думаю, лучше мне не говорить о подобном вслух в этих местах.

– Вы считаете, вам что-то угрожает?

Мэтт издал невеселый смешок и прошептал:

– Тут немного поздно считать, знаешь ли.

– Из-за пещер?

– Связь есть, но мне кажется, такое настроение здесь уже давно – в другом: в других вещах, делах... Везде были признаки *этого*. Я имею в виду, атмосфера, наваждение какое-то... А теперь все ускоряется: даже если *оно* главным образом пряталось в пещерах, трещина все изменила, и вместе с ней – остальные события... тут.

Кэт нахмурилась, теряя нить разговора.

– Как будто в тех скалах, и между ними, что-то было и с нетерпением ждало. Их корни идут так глубоко-глубоко... и все зарытое понемногу вылезало наружу. Так мне кажется. Оно было еще до того, как я нашел пещеру. В этих краях много всякого, о чем ты не знаешь.

Разочарование и жалость в Кэт достигли такого предела, что ощущались физически, будто несварение желудка. Упоминаний Мэтта Халла в статье не будет – это стало ясно. Кэтрин заволновалась, что если Мэтт не возьмет себя в руки

и не займется семьей, то ему могут преградить доступ к самому важному человеку в его жизни – сыну. Эта мысль оказалась невыносимой: тогда старик с тремором, что сидел на потертом кожаном диване, окончательно погибнет.

– Знаешь, Кэт, у меня было очень выгодное (если можно так сказать) место – я летал высоко в небе и видел. Много видел, и *они* об этом знают. Парус у меня ярко-оранжевый, и в воздухе меня трудно не заметить. А я облетел тут все – тридцать километров в каждом направлении – и кое-что углядел.

Неловкость Кэт сменилась замешательством; единственным, что удерживало ее в комнате, оставалось любопытство.

– Я видел многое, о чем не хочу рассказывать: тогда и я, и мои близкие немало пострадают. Здесь бывает всякое – такое, что люди готовы на все, чтобы сохранить это в тайне. Они сделают все, что угодно, если понимаешь. Иногда и делали – я точно знаю. Но ко мне и сыну это никакого отношения не имело, и я всегда отворачивался, не создавал шума. Я им то же самое сказал, когда им помешало, что я летаю.

– Мэтт, я не понимаю.

– Это просто... предыстория. Ты, наверно, знаешь, как некоторые тут делают деньги. Сейчас я не об этом, забудь. С тобой я хотел поговорить о другом.

Теперь Кэт поняла – незаконная торговля. До нее доходили разговоры о торговле алкоголем без лицензии и о фермах с каннабисом. Мэтт, без сомнения, именно наркофермы и

подразумевал. Сама Кэтрин не особенно верила в слухи, но считала, что в них есть зерно правды: едва ли всех устраивало собирать фрукты, работать официантами, выносить горшки в домах престарелых или продавать мороженое на пляже за три фунта в час. Как говорили, к северу от Диллмута «садоводство на дому» было традиционным ремеслом.

– Хотя связь есть – одно зависит от другого. Я имею в виду, из-за пещер плохие места и люди стали хуже. Пересекали одну черту за другой, а потом все по ту сторону черты стало нормальным, обычным. Тут идеальная среда – это я пытаюсь сказать. Если бы ты оказалась тут просто проездом, в отпуске, то не заметила бы; но когда тут твой дом, то ты понимаешь. И *это* понимает тебя – оно распространяется.

Кэт старалась сделать это очень незаметно, но Мэтт увидел, как она смотрит на часы.

– Кэт, мне трудно об этом говорить.

– Вы не могли бы рассказать поподробнее о том, что вас так расстраивает?

Почти минуту Мэтт молча смотрел в пол, затем обреченно вздохнул:

– Вскоре после того, как я нашел пещеру, мне сказали, что небо – буквально то есть воздух над Брикбером – для меня закрыто. Все небо.

– Кто сказал?

– Об этом не буду – ради тебя, не ради себя. Поверь, не надо тебе знать. Но почему *они* взяли с меня подписку о невы-

езде вскоре после того, как я нашел пещеру? Я ведь уже знал, что делается здесь на фермах, видел их за работой, но это они мне простили. Я говорю о другом... случилось что-то, что никто не должен был видеть. Я говорю о других, более важных переменах. Тут об этих переменах все знают.

У Кэт пошел мороз по коже. Она услышала достаточно, и от чувства, что ее втягивают в рэкет или разборки местных группировок, воздух словно сильнее стал давить на голову. Ее специальностью был гламурный журнализм – мода, предметы роскоши и престижный туризм, – а не организованная преступность.

– Я не... Думаю, не надо... Не уверена, что редакция хотела бы...

– Они не хотят, чтобы я летал – видел чего-то хуже того, что уже увидел. И с такими людьми нельзя спорить. Их везде чувствуешь – повсюду их шпионы, сразу можно их учуять. Такой у них особый тон – можно угадать по виду и прочему. Но, Кэт, люди здесь страдали с тех пор, как я нашел пещеру... и, думаю, раньше тоже. Та трещина в скале была не единственным входом туда, вниз.

– Полиция? – Кэтрин напряглась всем телом. – Мэтт, я не понимаю, что вы хотите сказать, но, возможно, следует пойти в полицию.

– Все изменилось, я уже сказал. Ты не знаешь, кто уже что-то знает и кто на чьей стороне. Так глубоко и далеко идут корни у *этого*.

Несвязная теория заговора, доведенная до абсурда паранойей затворника, – вот и все. Однако кое-что из слов Мэтта продолжало беспокоить Кэт, покалывая ее разум, точно камушек в ботинке.

– Сны. Мэтт, вы говорили о своих снах?

Ей просто хотелось увести разговор в сторону от преступной деятельности. Однако собственные неприятные видения Кэтрин после первой пресс-конференции длились несколько месяцев, а с первой выставкой артефактов кошмары снова вспыхнули ярче – по-настоящему они не уходили.

– Я так и думал, – ухмыльнулся Мэтт.

– Что?

– Ты знаешь, о чем я. Ты их тоже видишь.

– В этих пещерах нашли материальные свидетельства очень неприятных вещей. Я назвала бы это естественной, здоровой, реакцией.

– Или реакцией человека, чьи эмоции и разум, – Мэтт поступал по своей голове, – на пределе. Даже если ты только коснулась всего, что так долго лежало в земле.

– Вы сказали, что у вас все стало хуже, потому что вы нашли пещеру?

– Не просто нашел, но потрогал то, что внутри, и кое-что взял. Честно говоря, одно время я кое-что и здесь держал.

– В той пещере нашли достаточно – никто не заметит, что вы взяли пару сувениров.

– Я боюсь не музеев, университетов или Земельного фон-

да. Я боюсь других. Их пещера затронула больше остальных.

– Кого?

Мэтт мрачно улыбнулся и покачал головой:

– Скажу по-другому. Тебе не кажется странным, что двое археологов покончили с собой, хотя в их прошлом ничто не предвещало самоубийства? Они провели в тех пещерах больше года. Даже глава проекта ушел и, говорят, окончательно свихнулся. На себя не похож.

– Это не единственная причина. Стресс, проблемы в отношениях...

– Да, это официальная сказка, я тоже ее слышал. Они ее всегда рассказывают. Но он не один выжил из ума в тех скалах. Все, кто работал там вначале, ушли.

– Я не посвящена в кадровые дела, – пожала плечами Кэтрин, – но, полагаю, раскопки ведет множество университетов, и люди выстраиваются в очередь, чтобы там работать.

– Интересно, как долго они продержатся. По тому, что я слышал, – недолго. Подумай.

– Люди приходят и уходят по самым разным причинам.

– Да, но я знаю – это из-за снов и... Назовем это атмосферой, которую они впитывают. Полный бред, да?

Полный бред. И все же в мыслях Кэтрин на смутном кроваво-темном фоне снова появилась вращающаяся фигура глиняной Венеры с ее монументальными округлостями. Всего лишь воспоминание, осколок нездоровых мыслей самой Кэт.

– И дело не только во мне или археологах. Один мой друг работает в двух местных домах престарелых, куда кладут людей в маразме, смертельно больных и так далее. Он говорит, что никогда не видел ничего такого – чтобы они так себя вели, эти старики, которые сами за собой не могут ухаживать. Он не врет – теперь это и им в голову забралось. Поэтому я и избавился от всего, отнес назад все, что взял: фигурку, чашу из черепа, дудочку – всё. И бросил в море. Я знаю, что ты думаешь, но я – человек не суеверный, не религиозный. То, что со мной случилось, неестественно. И то, что я увидел с неба через две недели после того, как нашел пещеру. И это все – часть одного целого.

– Чего?

– Моих снов. Все связано.

Одна половина Кэт не хотела больше ничего слышать. Вторая ее половина, над которой она не была властна, спросила:

– Что вы увидели с воздуха?

8

– Прости, что ты сказал? – Кэт не расслышала вопрос Стива. Тот вернулся в дверной проем, приглушив своим мускулистым телом джаз, игравший в колонках на крошечной кухне:

– Пюре, запеченную, жареную?

– А. Как хочешь.

Он закатил глаза.

– Ну, жареную.

Стив вернулся к плите, за чем последовал перестук ящиков с кухонными приборами.

Мысли Кэт не покидало безумное сморщенное лицо Мэтта Халла: даже прибытие Стива не изгнало призрак этого дряхлого человека с растрепанными волосами. Он стоял в дверях своего серого домика, нервно оглядывая улицу, а потом Кэтрин увидела в зеркале заднего вида, как он закрыл входную дверь, снова отгородившись от деревни. Мэтт провел здесь всю жизнь, но теперь не жил, а прятался; острый страх окончательно свел с ума этого взрослого мужчину.

Его идеи, сновидения или как бы ни называлось то, что послужило вдохновением для фантазий Мэтта, перемешавшихся с теорией заговора и паранойей, были пугающими и зачастую несвязными. Уходя, Кэт посоветовала ему сходить к доктору, зная, что Мэтт этого не сделает.

В искренности его рассказов об угрозах она не сомневалась: настоящий ужас трудно подделать, но именно такой ужас Кэтрин видела в глазах несчастного. Мэтт Халл не стал называть имен и других подробностей, но, насколько поняла журналистка, он утверждал, будто группа местных жителей терроризирует его уже несколько лет. Все эти годы он выполнял их требования, бросив парапланеризм и оставаясь на земле.

Некоторое время мысль о том, что над Мэттом издеваются, расстраивала Кэт больше, чем рассказы о мистическом влиянии пещер, но затем он намекнул, будто стал свидетелем двойного убийства.

Это до сих пор не укладывалось в голове. Бред о плохих снах и «наваждении», просочившемся из пещер, она могла выдержать, но убийство? Это он точно придумал.

О местах, лежавших между Диллмутом и Брикбером, она знала очень мало. За все время, что Кэт жила в Девоне, там не произошло ничего (кроме раскопок в пещере), заслужившего бы места в новостях. Кэтрин не припоминала даже мелких преступлений, не говоря уже о том, в чем ее пытался убедить Мэтт Халл. Работа ее была связана с престижными живописными туристическими местами – Саут-Хэмсом, Дартмуром и некоторыми частями Северного Девона. Поэтому по дороге домой после интервью Кэт размышляла, почему Шейла никогда не заказывала репортажа о поразительном возрождении Редхилла?

«Пока пещеру не открыли, их, красных людей, тут никогда не бывало».

Да, в Брикбере и Редхилле появилось и еще кое-что новое – в том числе и для Кэтрин: те, кого Мэтт Халл называл «красные люди». Именно к ним в конце концов привел его беспорядочный рассказ.

История того, как он впервые увидел этих странных существ, оказалась самой необычной из всех, что Кэт приходилось слышать в своей журналистской карьере до сих пор, – тем более что человек, рассказавший ее, признался и в навязчивом желании причинить вред, возникающем каждый раз при виде возможной угрозы. Подобное Мэтт еще не испытывал (во всяком случае, так он утверждал):

– Иногда так и краснеет перед глазами. Бывает и по нескольку часов в день. Так скрипел зубами, что два сло-мал. – Тут Кэт чуть было не схватила пальто и не побежала прочь.

Ярость – естественная реакция для того, кто находится в опасности, и она же – симптом депрессии. Однако рассказ Мэтта о том, как «красные люди» напали на палатку туристов, оставил Кэт в совершенном недоумении. Она не получила от Мэтта разрешения записать интервью, но, когда история приняла особенно зловещий оборот, незаметно включила на телефоне диктофон, а перед обедом заново прослушала записанное во второй спальне, служившей Кэтрин ка-

бинетом:

– Они, эти красные люди, спустились по склонам в Слэгкомбе – неторопливо так. Просто сходились, пока не окружили тех двоих внизу, и вся долина стала как яма, ловушка, куда упали двое животных. Я оставался в воздухе, потому что то, что делалось внизу, мне не нравилось.

Одна из них была у палатки, а другой – ее бойфренд, наверно, – на пляже. Она сначала бегала туда-сюда, потом сдалась и вернулась к палатке, не знаю, почему. Я кричал: «Прыгай в воду, прыгай в воду!», но она не смогла бы меня услышать, а ее парень все это время бежал к ней от берега. Но было уже поздно – их окружили.

Все эти красные спустились в долину, голые, зато в краске – как будто не отсюда. Будто из прошлого. Я стал искать камеры – может, это кино? Но не было ни камер, ни прожекторов – все было по-настоящему, здесь и сейчас. И те двое, с палаткой, не знали, что делать, а кольцо из красных все сужалось.

В конце концов женщина сдалась – никогда этого не забуду. Я слышал ее голос, хотя слышал плохо. Она что-то кричала, не знаю что.

Сначала прикончили ее парня. Он перестал бежать, и его окружили в камышах – я видел, он поднял руки. Тут я понял, что у красных в руках что-то есть: такие штуки, маленькие и черные, будто камни.

Тут все и началось: он пытался вырваться, но красные вце-

пились, будто стоя зверей. А потом они схватили женщину, и я понял, что хватит смотреть, и полетел на север, где остались мои вещи и откуда улетал – рядом с Уэйлэмом. Там был мой телефон, и я хотел позвонить в полицию, но эти красные ублюдки уже ждали – меня ждали, понимаешь? Трое человек. Попали туда раньше меня и смотрели в небо, как я спускаюсь, стояли вокруг моих вещей – женщина и двое мужчин. Меня они бы тоже прикончили, как тех.

Я полетел дальше, вверх по побережью, и жестко приземлился в Сэйвбор-Бэй – окунулся в воду и чуть не разбился, так меня все это потрясло. Но потом выпутался, все собрал и отправился домой.

Тогда меня и посетили в первый раз. Они ждали, пока я окажусь дома, – уже знали, кто я. Но те, кто ко мне пришел, не были красными, а... – тут Мэтт прервался, не желая упоминать на личности тех, кто ждал его дома.

– Они сидели в моих креслах – взломали дверь – и недвусмысленно мне заявили, что летать больше нельзя и теперь воздух принадлежит им. Моего сына они тоже знали – назвали его имя, и я с ума сошел. А потом они сделали со мной... показали мне такое, что выбора не осталось. У меня против них не было ни шанса – я не мог ни драться, ни сбежать: это они ясно дали понять. Они сказали, что я должен оставаться здесь, чтобы можно было за мной следить и требовать кое-каких услуг, – он снова замолчал. Кэт помнила, что на этом месте Мэтт Халл стал утирать слезы.

– Красные тоже пришли тем вечером, чтобы показать, как сильно я попал за то, что увидел в долине. Первую из них я заметил в саду – она просто стояла и смотрела на окна. Я увидел ее, когда вышел с фонариком посмотреть, кто выпустил соседскую собаку, а она стояла там – голая, красная и блестящая, будто всю кожу содрали. И все волосы тоже выдрали с головы и обвили ими ее жуткое старое лицо.

Я тут же побежал в дом, но их стало еще больше. Они все смотрели в окна – красные лица, зубы... белые глаза. Никогда их не забуду – очень уж жуткие глаза.

Я так испугался, что заперся на втором этаже, в чертовом туалете, но красные кое-что оставили. На черном входе, на двери были отпечатки рук – красные отпечатки. Знак, предупреждение, как будто меня отметили. Тем вечером они показывали, какие у них длинные руки: они появятся в любой момент, если я не сделаю, что от меня хотят.

Через пару дней бывшая жена сказала, что кто-то нарисовал на ее задней двери красную руку. Сын с друзьями клялись, это не они. Она им поверила, и я тоже – я-то знаю, кто это.

С тех пор я остаюсь на земле – почти все время здесь, в доме. Постепенно схожу с ума. Работа скатилась в полное дерьмо. Я сам знаю, что бесполезен. Все мое снаряжение они забрали – «подрезали крылья», так сказали. Но когда им что-то надо было, отдавали обратно. Это тоже оставили они – следующим же утром нашел на пороге.

Мэтт показал Кэтрин статуэтку, найденную на пороге и, по-видимому, оставленную теми же, кто смотрел ему в окна, стоя в саду голышом в красной краске. Кэт уже видела похожее изображение – грубая фигура женщины размером с куклу Барби, с острой собачьей мордой, вырезанная из кости. Острые уши стояли настороже, вся морда до противоположной возбужденная и готовая к нападению. Истоки этой вещи лежали в пещерах Брикбера.

* * *

– Если ты согласна до конца жизни писать про благотворительные забеги, новые мюзиклы, мишленовские рестораны, собак-поводырей, пони, ламу, которую привезли в зоопарк, и прочую фигню, которой мы обычно занимаемся, – пожалуйста! Я же лучше сдохну, чем буду терпеть все это еще один год!

После ужина Кэт проиграла для Стива запись речи Мэтта Халла... и через несколько минут началась ссора. Он щедро бросался обвинениями, и Кэтрин очень скоро пожалела, что поделилась с бойфрендом.

Чем дольше она скрывала информацию, тем больше росло ее напряжение и тревога. Кэт просто хотела разделить свой груз, услышать мнение человека, которому она была небезразлична. Ей хотелось, чтобы он сказал: Мэтт не в своем уме, он преувеличивает, все будет хорошо, не надо предавать его

доверие и дальше, не стоит ходить в полицию и расследовать деятельность местных наркокартелей. Теперь, подавшись этому порыву и признавшись Стиву, Кэтрин чувствовала себя совершенно жалкой.

Как она ни старалась не думать об этом, Стив был гораздо моложе нее и обладал гораздо меньшим опытом практически во всем, не считая серфинга и тусовок. С тех самых пор, как они встретились, Кэт служила для Стива катализатором, увеличивавшим его профессиональные амбиции до таких высот, которых сама она никогда уже не достигнет. Стоило ей поделиться историей Мэтта, как они опять начали соревноваться – от этого Кэтрин всегда становилось мерзко.

Слушая интервью, Стив был в восторге, но, узнав, что Кэт не собирается никуда о нем сообщать, немедленно пришел в ярость, да в какую – ожоги от его слов горели и несколько часов спустя.

Правда, Стив еще и захмелел: днем он пил пиво, а вечером перешел на вино. Он редко говорил с Кэтрин в таком тоне, но стало очевидно: его недовольство собственной жизнью куда серьезнее, чем она до сих пор подозревала.

Всю фрилансерскую работу Стива в «Лайф энд стайл» и нескольких компаниях по цифровому маркетингу ему обеспечила она; но в последнее время он в своей наглости все чаще давал любовнице понять, будто она – обуза, которая мешает ему профессионально развиваться.

Кэт принимала терапевтические меры, чтобы ее прошлое

не просачивалось в настоящее, но меры эти не всегда работали. Казалось, будто ее настоящее – не столько собственно настоящее, сколько прошлое. Вот и в тот вечер все ее мысли вертелись вокруг девушки по имени Кларабелль и ее милого личика.

В Лондоне Кэт работала в одном журнале и взяла на стажировку Кларабелль – молодую женщину из привилегированной семьи. Та немедленно начала строить козни против Кэт на редакционных собраниях, на что ее тайком подбивали соперники самой Кэт. Через полтора года Кэт потеряла работу во время очередных сокращений, и это оказалось ее последней штатной должностью в редакторском составе какого-либо журнала. Сокращение произошло в то же время, когда развалились двенадцатилетние отношения Кэт с ее женихом Грэмом.

От расставания с Грэмом она так и не оправилась, а Стив только разбередил старые раны. Тем вечером он был очень похож на Кларабелль: та же уверенность, будто ему полагается и лучшее рабочее место, и все, что за ним следует.

Стив происходил из обеспеченной семьи и, как и стажерка, будто бы находил смехотворной необходимость работать под началом человека из низших социальных слоев, то есть Кэт: «Должно быть, это ошибка – ты не одна из нас!» Именно так Кэтрин видела обе ситуации, а другой интерпретации ее опыт и не допускал.

Они со Стивом то сходились, то расходились вот уже

больше трех лет, и Кэт в очередной раз задалась вопросом: на чем держатся их отношения? «На том, что ты можешь сделать для него, – вот и все».

Тирада Стива напомнила Кэт и об их разнице в возрасте, и о его созависимости с родителями, которую она не одобряла: его критика всегда была катализатором для подобных мыслей. Кэтрин никогда не питала особенного уважения к ужасу, который Стив испытывал перед матерью, но старалась держать свое мнение при себе. Он по-прежнему жил на деньги родителей, хотя ему было уже тридцать два: те полностью, включая квартплату, оплачивали квартиру, в которой он жил, и требовали внуков. Богачи и сегодня, не меньше, чем всегда, нуждались во многочисленных наследниках и укреплении своего социального положения, а Кэт не могла родить. «И как с этим быть?»

Среди какофонии эмоций Кэт один из внутренних голосов твердил: мать Стива не одобряет, что у сына любовница на десять лет старше его самого. Во всех их ссорах незримо присутствовала тень этой неизменно вежливой пары, всегда остававшейся холодной к Кэтрин. Она не заслуживала их сына – таково было их невысказанное, но очевидное мнение. Стоило укоризненным призракам Делии и Реджа появиться в мыслях Кэт, как подавляемый гнев вырвался наружу и ссора со Стивом усугубилась.

– Я сам пойду к Шейле, – заявил Стив, и Кэт на несколько минут охватила такая искренняя ненависть, что по коже

пошел мороз.

– Стив, ей не надо этого знать! Однажды она увидела фото кости со следами зубов, оставленными двенадцать тысяч лет назад, и мне пришлось чуть ли не подавать ей нюхательные соли!

– А «Газетт» в Торбее? Да кто угодно этим заинтересуется.

– Это конфиденциальная информация – и источник мой, не твой. Я рассказала тебе, потому что расстроилась и хотела с кем-нибудь поделиться. Мне нужна была твоя поддержка, ты же постоянно говоришь, что любишь меня. Это правда вообще? Или я для тебя просто полезная идиотка – ступенька в карьерной лестнице?

– Нахалка!

– Это не твой материал! Ты вообще не журналист!

Когда Стиву исполнилось тридцать, ему надоело «мотаться туда-сюда» и «делать что-то свое», как он поначалу описал это Кэтрин. После почти десяти лет, посвященных серфингу, рейвам и разработке приложения на папины деньги, которое, впрочем, не взлетело, Стив переживал преждевременный кризис среднего возраста, а после встречи с Кэт его недовольство собой постепенно нарастало.

Она производила впечатление человека, уставшего от жизни, и постоянно выводила свое прошлое из организма диетами, йогой, медитациями – всем, что помогало справляться с посттравматическим стрессовым расстройством,

диагностированным семь лет назад. Но сама Кэт в возрасте Стива уже девять лет проработала в столичных СМИ высшего полета. Ее резюме не нравилось Стиву, и дурные чувства разъедали его как кислота.

– Мы не можем это замалчивать, – настаивал он тем вечером. Как он смел читать ей лекции?! Это еще хуже, чем делать вид, будто ему не наплевать на Мэтта Халла.

– Ты будешь читать мне нотации о журналистской этике? – взорвалась Кэт. – Ты, со своим богатым опытом фотокорреспондента? Да ты и год еще фрилансером не проработал, и ту работу я нашла для тебя! Ты хоть понимаешь, что у Шейлы есть люди гораздо лучше?

– У меня хорошие фото!

– Для рыбного ресторана в Плимуте! Не забывайся! Я не журналист-расследователь и никогда не хотела им быть.

– И ты просто спустишь им все с рук? После того, что они сделали с тем беднягой?

– Он не в себе, возможно, вообще не в своем уме. Я связалась бы с полицией, если бы знала хоть одно имя и имела бы хоть какие-нибудь доказательства; но у меня есть только байки о проклятии Брикбера и о напавших на палатку красных людей, увиденных с высоты трехсот метров человеком, которому нужен психиатр.

– Но он ведь не один такой, – торжествующе ухмыльнулся Стив, так что Кэт захотелось ударить его по лицу. – Есть и другие. Я столько всего слышал об этих краях – у них дурная

репутация. Но тебе откуда знать? Ты ведь не местная.

Едва эти слова, якобы говорившие о причастности Стива чему-то недоступному для Кэт, отзвучали, как его лицо тут же приняло трусливое и неловкое выражение.

Вскоре Стив исчез, не в силах выдержать вид ее дрожащих губ.

* * *

После ссоры Кэт не смогла уснуть и полезла в Интернет, поклявшись себе, что не будет делиться со Стивом ничем из найденного. Ни к чему было раздувать его и так непомерное желание «проверить все» или давать ему возможность от скуки и отчаяния присвоить расследование.

Однако решимость Кэтрин подтачивало чувство вины: она подозревала, что Стив оказался прав – она струсила, а должна была помочь Мэтту Халлу и пойти в полицию. Результат онлайн-поиска новостей о людях, пропавших в Брик-бере и Диллмуте либо поблизости, только усилил это чувство.

На сайте «Торбей-Газетт» среди старых просьб сообщить о пропавших Кэт быстро нашла два случая, выглядевших важными; эту же информацию повторяли на своих сайтах две газеты в Плимуте и одна в Эксетере.

Случаи произошли пять лет назад – примерно в то же время, когда Мэтт Халл обнаружил в скалах трещину. Он утвер-

ждал, что происшествие с туристами случилось в начале весны: летая в последний раз, Мэтт видел вдоль побережья птиц – каменок, красного коршуна, луговых коньков и стаю черных казарок; последние держали долгий путь в Сибирь, в направлении, противоположном ему.

Тогда же двое туристов, которые, как считалось, собирались разбить палатку под Брикбером, на самом деле совершили странный двойной суицид в Северном Корнуолле вскоре после того, как об их пропаже сообщили. А незадолго до их гибели с прибрежной тропы возле Брикбера исчез пешеход.

Одежду пропавших туристов, сложенную в две аккуратные стопки, нашли в далекой корнуольской пещере под остальным багажом. Из-за морских течений объявления о пропаже распространили до самого Дорсета включительно, но тел так и не нашли.

Рядом с одеждой, более чем в тридцати километрах от места, где пара жила в Диллмуте, обнаружили и принадлежавший им желтый «Фольксваген-Транспортер», внутри которого лежало туристическое снаряжение. Семьи погибших были шокированы: ни мотив для двойного самоубийства, ни причину, по которой они выбрали именно Корнуолл, так и не установили.

Но последний раз туристов видели в Диллмуте: они даже сообщили одному из постояльцев отеля, в котором жили, что собирались поехать в окрестности Брикбера и разбить

там палатку, при этом ни один из них ничего не говорил про Корнуолл. Однако машину и вещи их обнаружили именно там, и поэтому поиски – а вместе с ними и официальное расследование – сдвинулись на тридцать километров дальше по побережью, где и постепенно угасли.

Ничто в этом случае не пробудило бы интереса Кэт, если бы не рассказ Мэтта Халла, услышанный в тот же день. Но то, что двое туристов пропали и так и не нашлись в то же время, когда Мэтт летал над Брикбером, показалось ей действительно странным.

На седьмой странице результатов поиска «Гугла» Кэт нашла второй случай из тех же краев: в тот же год, когда пропали туристы, но чуть раньше, из окрестностей Брикбера исчез пешеход по имени Энди Литтл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.